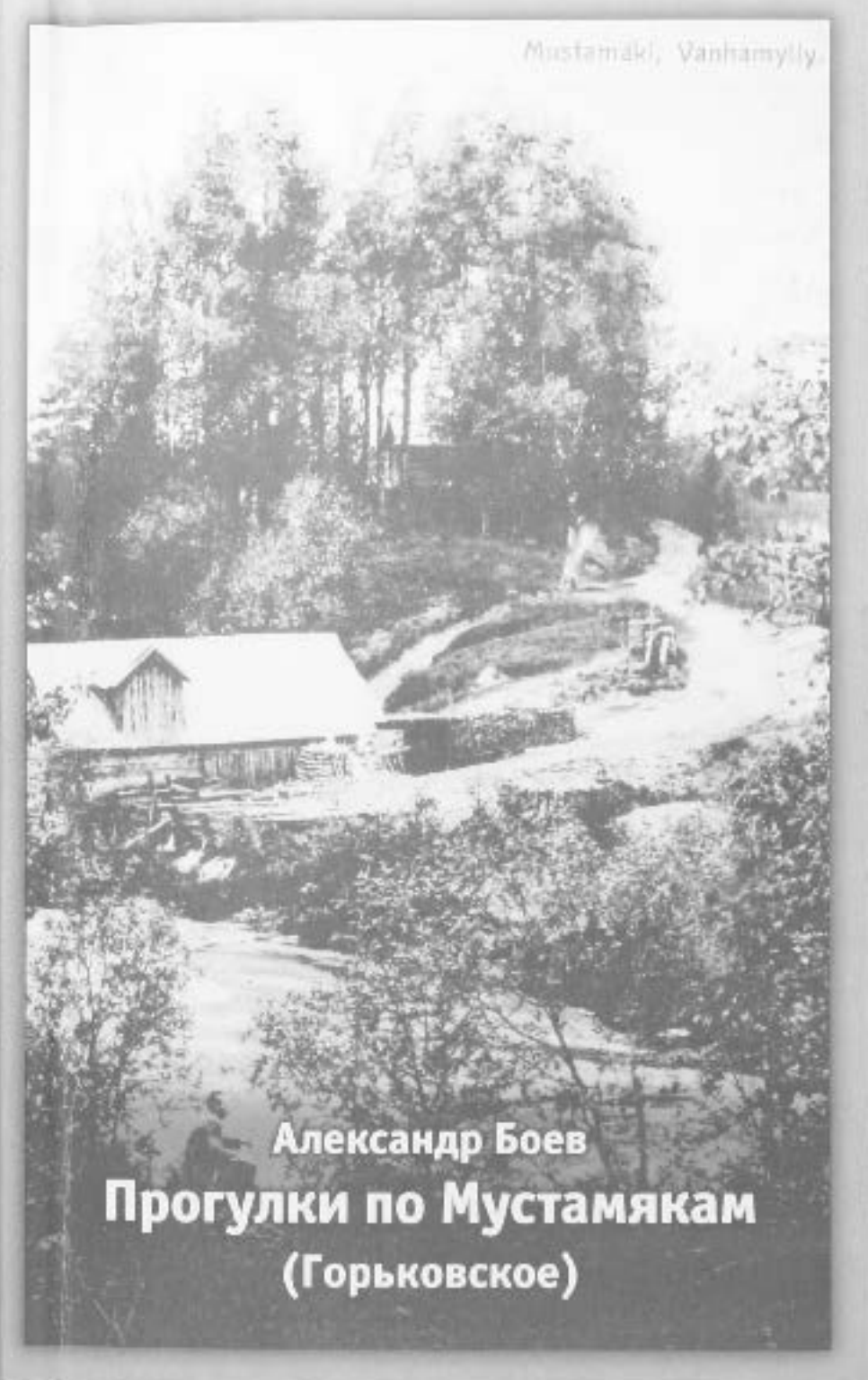

Mustamäki, Vanhanylly

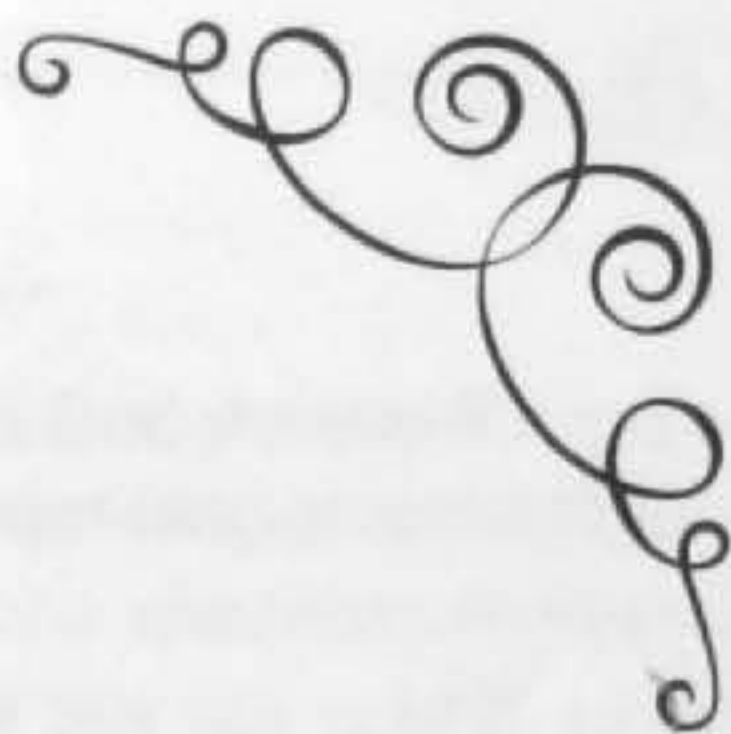

Александр Боев
Прогулки по Мустамякам
(Горьковское)

В. Шухаев.
Финская деревня.
Крыши. 1920

Александр Боев

**ПРОГУЛКИ ПО МУСТАМЯКАМ
(Горьковское)**

Повествование в свободной форме

ОСТРОВ
2015

Издательский центр «ОСТРОВ» благодарит сотрудников Зеленогорской городской библиотеки за помощь в подготовке к изданию наших книг.

Александр Боев. Прогулки по Муятамьякам (Горьковское). Повествование в свободной форме. – СПб.: ООО «Издательский центр «ОСТРОВ». 2015. – 96 с., илл.

Мусямяки – это бывшая финская деревушка, ныне – Горьковское. Совсем недалеко от Рощино. Здесь жил А.М. Горький, поэтому так и переименована. О нём и о других известных и совсем неизвестных жителях Мусямяк рассказывает автор, рассказывает в свободной форме, что позволяет открыть новые грани краеведения.

На обложке:

1-я и 4-я стр. Мусямяки. Открытки из собрания С.В. Ренни;

ISBN 978-5-94500-093-3

© Александр Боев. 2015 г.

© ООО «Издательский центр «ОСТРОВ»

Предисловие

Я родился в октябре 1952 года на мызе Харве – западной окраине местности, по-фински называемой Мустамяки, ныне переименованной в честь революционного «буревестника» в Горьковское. Мама как-то замешкалась, в роддом «добежать» не успела и родила меня дома, на старом кожаном диване.

В 1959 году пошёл я в школу. Школа ютилась в кукольном особнячке, где и жил некогда стареющий «буревестник». Сидеть за партией мне довелось в бывшей спальне Марии Фёдоровны Андреевой. Этому я и обязан «развившейся во мне охотой к чтению и вообще к занятиям литературным».

После окончания школы и училища, служил я в рядах... и вне рядов.

В 1980 году окончил институт. Работал на Светогорском ЦБК. Преподавал в лицее.

Вновь и вновь возвращаясь в домой в Мустамяки.

Как-то в среднем возрасте я очутился в сумрачном лесу, за старой, заброшенной дачей на краю Мустамяк. На дальней опушке посреди мелкого кустарника, ольхи и черёмухи неожиданно натолкнулся на три десятка еще не старых дубков, росших шпалерами и строго по линиям. Дубки были явно кем-то посажены и защищены от коров и дураков стволами ольхи. Посажены с умом и расчётом, что ольха «сойдет», и через 70-90 лет вырастет здесь уникальная дубовая роща.

Кто посадил эту рощу в начале века? Кто этот замечательный человек?

И таких вопросов набиралось множество. Искать ответы в доинтернетовские времена было сложно. Читал, разговаривал с людьми.

Ключевым оказалось знакомство с сельским библиотекарем Валентиной Ивановной Францевой.

В марте 1953 года отмечалось 85-летие Горького. Представители литературной общественности Ленинграда и Москвы собрались в Мустамяках на открытие мемориальной доски на даче. Ждали Н.Е. Буренина – ближайшего друга и соратника Горького. Увы, восьмидесятипятилетний старый большевик приехать не смог. Но в выступлениях и рассказах других участников прозвучало много интересного о Горьком, Фальковском, Бедном, Бонче и Ленине.

Пересказывая это, Валентина Ивановна положила начало постепенно складывавшегося, как у Вяйнемаянена, устного повествования о Мустамяках и дивных их обитателях.

«На закуску» рассказывал эти истории друзьям – нравилось, и решил я всё записать, «стараясь украсить истину живостью рассказа, а иногда и цветами собственного воображения».

Вам судить, а я закончу это вступление, словами любимого Александра Сергеевича: «Заранее прошу извинения у благосклонного читателя, если во зло употреблю снисходительное его внимание».

2013 год, февраль

Мустамяки на финской карте

Мустамякский вокзал

*«Опять ночная тишина
Лежит в равнине омертвелой.
Обыкновенная луна
Глядит на снег, довольно белый...»*

[—]

*И если по ночным снегам
Звоня бубенчиками бойко,
Летит знакомая всем нам
По множеству романсов тройка,*

*То как не улыбнуться мне
Ее навязчивому бреду!
Не сяду в сани при луне
И никуда я не поеду.*

*Фёдор Сологуб
27 декабря 1910 г.
Мустамяки.*

А вот поехал болезный, и стихи написал, – «довольно белый...». Стихи есть, а зачем и как оказался тяжёлый на подъём Фёдор Сологуб зимой в холодных Мустамяках совершенно неизвестно и непонятно. Так же скрытно, незамеченным провел здесь с Елизаветой Морицевной несколько дней убежавший от жены Александр Иванович Куприн. И еще четыре десятка великих и знаменитых, сойдя по ступенькам вокзала в Мустамяках, оставили заметный мемуарный след.

Вокзал в Мустаяках. Открытка начала XX в.

Петербуржцам нравилось ездить в Финляндию, отгораживаясь рекой Сестрой от российского идиотизма. Беззаботно гуляли, пили чай на верандах. На озере, визжа, купались ещё затянутые в корсеты дамы, а поднырывающие под них мужчины уже щеголяли в модных, как у Поддубного, гимнастических костюмах. По вечерам музицировали и любили, любили... как герои «Красного колеса», отправленные в Мустаямки никогда не бывавшим здесь Солженициным.

Когда наступала изумительная финляндская предночная тишина, когда чуть шелестящий ветер еле заметно колыхал нежную дымку тумана, а яркий закат золотил и разукрашивал дали, бросал в зарево огромного пожара дальний горизонт блестящего сталью, переливающегося, казалось, безбрежного озера; когда вдруг робко, а потом всё смелей, всё голосистей начинали перекликаться ночные птицы и почти без звука проשמывали где-то летучие мыши, шарахаясь в сторону при резком крике совы, когда всё, утомлённое, охватывалось дремотой под заливной и утешительно спокойный стрекот кузнечиков и всякой иной луговой братии, бодрствующей по ночам – чувства окрестных дачниц неожиданно будоражил недюжинный рифмованный рык загулявших Владимира Владимировича Маяковского и писавшего под псевдонимом Бедный страстного любителя «принять на грудь» Ефима Алексеевича Придворова.

В июне 1917 года к компании отдыхающих присоединился Владимир Ильич, устроивший описанное Бонч-Бруевичем знаменитое купание голышом и малоизвестный скандал при посадке на извозчика. На станцию приходили четыре пары поездов, народу приезжало много и финны бесцеремонно «катали» дачников по завышенной таксе. Шепетильный Ильич с революционным напором настоял на своём и выбил таки свой гривенник из лап «угрюмого пасынка природы».

По всей Финляндской дороге станция Мустамяки сплавилась горячими пирожками с картошкой и капустой, продаваемыми на вокзале финскими бабами. Вокзал был деревянный, крашенный охрой, окружённый цветущим всё лето шиповником. Он сгорел вместе с историческими ступеньками ещё в Финскую, во время атаки на станцию знаменитой 70-й стрелковой дивизии, которой командовал герой следующей войны – генерал М.П. Кирпонос.

В июне 1944-го Красная Армия восточнее станции, в районе Куутерсельки (Лебяжье) прорвала основную линию обороны финнов. На построенную в Мустамяках специально и всё ещё сохраняемую ветку, вкатили железнодорожную батарею с 356-миллиметровыми орудиями, стрелявшими отсюда чуть ли не по Выборгу. Пушки эти были изготовлены ещё до октябрьского переворота, но линейные крейсера, на которые они предназначались, порезали в 1922-м, причем не у нас, а в Германии. Вот и придумали поставить эти пушки на железную дорогу. Батареи эти входили в состав береговой обороны, и порядок был установлен флотский, и – терминология. На корабле – снарядный погреб, а на железной дороге – снарядный вагон-погреб¹.

С отступающей финской армией убежало всё финское население. Опустевшие дома деревни заняли вандалы, вокруг станции

*Фёдор Сологуб.
Рисунок Ю. Анненкова*

¹ Подробнее об артиллерийских транспортерах см. Амирханов Л.И. Железнодорожная артиллерия форта «Красная Горка». СПб. 2015. Здесь и далее прим. ред.

*Железнодорожный
транспортёр ТМ-1-14*

построили дачи разбогатевшие вестготы, образовав что-то среднее между жилтовариществом и феодалным посёлком с названием «Наука и техника». В 1947 году станцию и находящуюся от неё в полутора часах хорошего пешего хода деревню переименовали в Горьковское.

Новый вокзал построили пленные немцы, реализовавшие подхваченную МПСовским начальством идею Саввы Мамонтова о том, что вокзалы должны нести культуру томящимся в ожидании российским «поезжанам». В итоге на станции появилось роскошное с архитектурными излишествами здание сталинского ампира.

Рядом в желтеньком привокзальном строении, сгоревшем уже совсем недавно, открыли торговавший портвейном магазин. Здесь часто появлялись окруженные многочисленными почитателями таланта ещё не «народный», но владелец дачи Смоктуновский, художник Перов – благообразный старичок, внук передвижника и, перенявший от них в семидесятые годы культурную эстафету, известный питерский литератор А.А. Матюшкин-Герке.

Именно здесь застал Иннокентия Михайловича, болезненно выходящего из образа князя Мышкина режиссер Э.А. Рязанов, приехавший из Москвы уговаривать его сняться в фильме «Берегись автомобиля». Смоктуновский долго отказывался, но после третьей попытки, разумеется, расслабившись, сдался.

Тогда, войдя утром в пустой и гулкий зал ожидания, освещённый только голубым сумеречным светом огромных арочных окон

Станция Горьковская. Новый вокзал. 2013 г.

и дрожащим пламенем топящихся печей, можно было увидеть циклопические диваны, стоявшие вдоль стен, почти невидимые висящие высоко под потолком незажигаемые бронзовые люстры. По стенам в тяжёлых рамах наблюдали за входящими портреты Ленина в галстук горохами, Сталина в мундире генералиссимуса. Имелось и потрясшее моё детское воображение (прав был Мамонтов), двухсаженное батальное полотно – по моему нынешнему разумению изображавшее парад перешедших в Красную армию махновцев. По зимней станице, прямо на зрителя, на разномастных конях, приняв диковинные позы и разинув пасти в восторженном крике, размахивая оружием, оголтело неслась толпа оборвышей, одетых в какие-то свитки, тельняшки, гусарские рейтузы-чикчиры под распахнутыми женскими полушубками, в бескозырках и лохматых папах с красными лентами наискосок. На переднем плане слева, коктообразный Семен Михайлович – в шинели, салютующий шашкой и Климент Ефремович, приложивший ручку к виску, розовый и свежий, как огурец, со множеством орденов, прикрученных прямо на бекешу. Скрипит снег, прихватывает мороз, ветер смешивает пар от дыхания людей и лошадей. Прах из-под копыт. «Уррра-а-а-а ...!», – рвётся из сотни глоток. «Уррра-а-а ...!», – каждым звуком гулко отзывается в пустой коробке вокзала.

Какие разнообразные типы отправлялись со станции: работяги, пэ-тэушники, грибники с корзинами, многочисленные в шестидесятые

годы туристы, называемые мешочниками, краснощекие дачные подполковники, садоводы со штабелями досок, намертво прилаженных к спине, старушки в белых платочках. Постепенно вокзал наполнялся людьми, приготовившимися втиснуться в шесть вагонов, набитых гавриловцами, кирилловцами и жителями туманного Лейпясую. Места брались штурмом, возникала изумительная давка с матом и дракой, самые ловкие лезли на крышу и ехали в прохладе с комфортом, растирая по рожам летящую из паровозной трубы сажу.

Вокзал был центром общественной жизни всей округи. Какие сцены разыгрывались здесь: проводы в армию из Лебяжьевского куста, когда все едут в военкомат, оставив обритого и пьяного призывника на вокзале, великая драка с участием старика Листопадова, смерть одинокой пассажирки на станционном диване, выбитый из сапог локомотивом дядя Ваня, шествие нудистов, опять драка, три ограбления железнодорожного магазина, кошачьи концерты местной поп-звезды, какая-то Мамка – ласточка, молниеносные вокзальные романы, встречи, проводы...

А над ними летит орда махновцев на картине, летит время, летит жизнь...

Сразу после выноса генералиссимуса из мавзолея, унесли его с вокзала, потом исчезли «махновцы» вместе с диванами, люстрами и лепниной. С постоянно приклеиваемой к портрету беломориной, в прорванной жилетке, последним с вокзала «ушёл» Ильич. В служебных помещениях поселились какие-то железнодорожники, потом таджики. Зал ожидания перегородили кирпичной переборкой, заложили арочные окна, кассу закрыли, на двери повесили замок, пассажиров выгнали на платформу. Рассыпались балюстрады, обвалилась штукатурка, тонкошеие станционные дебилы покрыли стены надписями на английском языке с ошибками. Уехали на историческую родину вестготы, вымерли вандалы, свирепые обитатели деревни и тянутся пять километров пешком к поезду их худосочные наследники, обгоняемые джипами с людьми из новейшей истории. Как у Михаила Жванецкого, старость – электричка из Каннельярви, была так далеко, далеко... и вдруг... – пришла.

По великой горьковской дороге

*Мимо ристалищ, капищ
мимо храмов и баров,
мимо шикарных кладбищ,
мимо больших базаров,
мира и горя мимо,
мимо Мекки и Рима,
синим солнцем палимы
идут по земле пилигримы.*

Иосиф Бродский «Пилигримы»

Род самый новый год, 31 декабря 1913 года, сквозь клубы пара в морозную тьму и метель сшел из вагона вернувшийся из эмиграции Алексей Максимович Горький. «В Мустамьяках Горького ждали с кучером Пекко, – вспоминает племянник Марии Фёдоровны Андреевой Евгений Кякшт. – Пока длилась церемония переодевания Алексея Максимовича в тёплое, привезший нас поезд ушел, и немногие пассажиры, прибывшие с ним, разъехались. Поэтому особенно бросился в глаза одинокий мужчина, севший в сани подждавшего его извозчика только тогда, когда стали рассаживаться мы. Когда наши трое саней двинулись к переезду, этот пассажир пристроился к хвосту нашего кортежа. «Ну, вот я и на родине! – сказал Алексей Максимович, посадивший меня в одни сани с собой. – Вот я еду под надёжной охраной солдата (племянник числился вольноопределяющимся в одном из столичных полков), а сзади едет передетый городской».

Вслед основоположнику соцреализма, его племяннику, жандарму и мы свернём к переезду, и двинемся за убегающими санками

А.М. Горький

навстречу 1914 году, поворачивая сюжет во времени и пространстве в соответствии с иногда крутыми поворотами дороги.

Алексей Максимович, любивший каламбурить по поводу своей страсти к бродяжничеству и фамилии Пешков, вполне бы оценил местное название лежащего перед нами пути – великая горьковская дорога, в смысле – бесконечная, горькая и неодолимая.

По грязи и пыли в любую погоду пять километров туда – пять обратно десятками лет бьют ноги по этому маршруту мои земляки, прекращая это движение, в основном, по причине естественного убывания. Однажды после оттепели температура ночью резко упала, сильнейший ветер толкал под гору путников, снежной крошкой шлифуя перед ними образовавшийся ледок, превращая дорогу в аттракцион «Ну-ка, удержишься». К утреннему поезду можно было добраться только на четвереньках, так и шли – все пять километров. Не Горький – «Кафка» какая-то.

Ну, тронемся, благословясь! Дорога в конце станционного посёлка делает поворот, ёлки занавешивают свет в окнах крайних домов, и вы оказываетесь в полной темноте, посреди ночного леса. Ничего не видят ослеплённые станционными фонарями глаза, неуверенно ступающая нога делает очередной шаг и, схваченная судорогой, завершает его на середине лужи. «Мать! Мать! Мать!», – многократно повторяет это название, помянутого в отчаянии, бессмертного произведения дорожного земляка.

Первая достопримечательность маршрута – королевский перекрёсток. Говорят, сживал как-то здесь на простреленном барабане утомившийся в походах шведский король, и не какой-нибудь пройдоха и хлыщ Карл Двенадцатый, а солидный и авторитетный дядька Густав Ваза. Но, пожалуй, это выдумка ещё дореволюционных

дачников, любивших, отойдя от станции, организовать в этом живописном месте пикничок и выпить лафиту.

Слегка изменившаяся за сто лет дорога постоянно поднимается в гору, в направлении с севера на юг. Через километр, минуя завязанный местными богатырями в узел стальной указатель расстояния, сейчас спрямлённая, а раньше по финляндской традиции поворачивавшая вдруг на девяносто градусов дорога опускается в заболоченную низину на «сталинский мост». Так называли ветхую, часто размываемую, сооружённую ещё в те, исключавшие дурацкие шутки времена, переправу через местный Стикс.

Эту часть пути, путешествуя во времени, пройдем и мы лет этак тридцать назад, выйдя поздней осенью из окрещенного «подкидышем», ночного поезда. К доставлявшим физические мучения темноте, дождю и грязи, здесь добавлялись муки душевные. Место считалось нехорошим с того времени, как в 1944 году взвод финских егерей, заняв оборону вдоль ручья, пытался остановить наступавшую танковую бригаду. Вот всех их тут и закопали, рядом с дорогой. Недалеко от моста насмерть придавило лесоруба, зверски убили девицу, часто случались здесь аварии и другие преисполненные ужасом события. Когда в темноте обострялось не только зрение, но и слух, а искаженная акустика превращала звуки осенней непогоды в стенания маленьких грешников, балующих в аду с нечистой силой – робость и томление духа охватывали путника.

Как-то один деревенский шалун, дождался идущих с последнего поезда мучеников, вывернул наизнанку мамкин тулуп, подсветил рожу фонариком и жалобно завыл на финской могилке. Бежать под гору легче – напуганная толпа шарахнулась обратно на станцию. Беременные женщины были очень недовольны. На станции организовали исследовательскую экспедицию, состоящую из крепких железнодорожных мужиков во главе с местным уфологом Женькой Лоховым. Побегали. Запарившегося в тулупе шалуна догнали у самой деревни, долго били, а тулуп забрали в качестве трофея и пропили.

Вот так болтая, незаметно, прошли мы лесом два километра, и попали в деревню Сюкияля, ожидая увидеть соответствующую надпись на дорожном указателе. Но не тут-то было. Местный патриот Ильич постоянно стирает написанное, и поверх оскорбляющего слух топонима пишет: «Ягорба» – название мифического ярославского села, из которого в сороковом году «вывезли» сюда крестьян.

Народная школа в Мустамяках. Начало XX в.

При входе в деревню, слева – фундамент сгоревшей народной школы и уходящая в Корабельную рощу дорога. Навстречу бредут одинокие прохожие.

«А это, что за живописная группа, отстреливаясь, бежит по дороге и скрывается за стволами сосен?»

Это после неудачной облавы в пансионате Линде² в начале августа 1911 года, убегают знаменитые боевики – эсеры Вера Данилевская и Константин Мячин вместе с попавшим в дурную компанию малолеткой Иосельем Мандельштамом. Их вяло преследуют помощник ленсманна Фейсранов, обер-констебль Саволайнен и констебль Викстрем».

Мустамяки в начале XX века были переполнены «революционизерами». В донесениях начальству жандармский чин рисует до боли знакомую картинку: «...в пансионате Линде, предлагающем усиленную молочную диету больным туберкулезом, все места заняты проживающими здесь левыми и правыми эсерами, эсдеками, большевиками, меньшевиками и отчаянными бундовцами».

Неоднократно отдыхавший в мустамякских санаториях и пансионатах начинающий поэт, сын состоятельных родителей Мандельштам, говоря «...Я люблю буржуазный европейский комфорт и привязан к нему не только физически, но и эмоционально...», завёл в пансионате Линде противоземную дружбу с эсерами, разрушавшими

² О П.Ф. Линде см. в главе «Крыши».

этот комфорт и физически, и эмоционально.

До поры до времени всё сходило с рук, на этот раз он крепко влип. Если бы не густой лес, сильно пересечённая местность и сунутая полицейским ещё до облавы взятка, с тюрьмой бедный Осип Эмильевич познакомился бы на двадцать пять лет раньше.

В следующий раз, оказавшись в Мустамьяках осенью 1913 года, только что окрещённый байкими выборгскими попами в лютеранина и поссорившись из-за этого с родителями, Мандельштам выдал в духе Беранже:

Осип Мандельштам среди выпускников школы К. Мая, 1915 г.

*В девятьсот двенадцатом, как яблочко румян,
Был канонизирован святой Мустомиан.
И к неувядаемым блаженствам приобщён
Тот, кто от чудовищных родителей рождён.
Серебро закладывал, одежды продавал,
Тысячу динариев менялом задолжал.
Гонят люди палками того, кто наг и нищ,
Охраняют горожане добро своих жилищ.
И однажды идучи ко святым местам, –
Слышит он: «О, Мандельштам, – глянь-ка
– ландыш там!»*

В 1887 году, за четверть века до Мандельштама, несколько далее по ходу великой дороги, поселился на даче бывший лицеист, тверской вице-губернатор, младший современник Пушкина Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, в «Современной идиллии» первым упомянувший название нашей станции и положивший начало всему написанному «о» и «в» Мустамьяках. Здесь Салтыков-Щедрин

*М.Е. Салтыков-Щедрин.
Офорт В. Мотэ*

*С.П. Боткин. Его сын
Евгений был расстрелян
в 1918 г. вместе с царской семьёй*

написал: «Мелочи жизни», четыре сказки, девятое и восьмое из «Пёстрых писем».

Князь В. Оболенский так описывает случившееся здесь нетерпеливое ожидание встречи и последующее знакомство с великим сатириком: «...Был я тогда пленцом желторотым, только что окончил гимназию, но произведения Салтыкова-Щедрина читал и относился с благоговением к великому писателю.

И вот знаменитый Салтыков-Щедрин должен поселиться у нас на даче... Я с нетерпением ждал дня, когда его увижу.

Наконец по въездной аллее, куда мы в условный день вышли встречать знаменитого писателя, мимо нас проехало ландо, в котором рядом с довольно красивой дамой сидела неопределённая фигура, укутанная шубами, несмотря на тёплую погоду. Тяжёлый плед, по-женски надетый на голову, совершенно закрывал лицо Салтыкова. Сзади на нескольких таратайках ехали двое детей с гувернанткой, прислуга и вещи.

Очень ясно помню моё первое посещение дачи Салтыковых. Через несколько дней после их приезда мы с матерью и сестрой отправились к ним с визитом. М.Е. был уже серьёзно болен всеми теми

болезнями, которые свели его в могилу через полтора года. Он и поселился у нас главным образом потому, что в двух верстах на своей даче жил его приятель, знаменитый профессор С.П. Боткин, лечивший его несколько лет подряд. Однажды, когда мать моя спросила С.П. Боткина, какой болезнью болен Салтыков, – он ответил, что спросить нужно иначе, какой болезнью он не болен. Все внутренние органы его были в ужасном состоянии, и доктора недоумевали, как он ещё мог жить.

Салтыков с женой приняли нас в гостиной. В сером мягком пиджаке и с неизменным тяжёлым пледом на плечах, он сидел в кресле неестественно прямо, положив руки на тощие колени. Помню, как мне сразу сделалось как-то не по себе от одного вида этого хмурого и сурового старика.

Чувство неловкости ещё больше увеличилось, когда он без всяких вводных любезных фраз, которые обычно люди произносят при первом знакомстве, стал с желчной раздражительностью, как будто нарочно, чтобы нам сделать неприятность, ругать Финляндию, её природу и жителей, наконец, дачу, владелица которой в первый раз пришла с ним знакомиться. А затем пошли жалобы на болезнь, на плохой уход за ним и т.д.

Мрачно смотрели на нас с неподвижного жёлтого лица, изредка нервно подёргивающегося, огромные, строгие и какие-то бесстрастно отвлечённые глаза, а отрывочные злые фразы, прерывавшиеся тяжёлым дыханием, производили впечатление скорее рычания, чем человеческой речи.

Представлялось как-то вполне отчётливо, точно чувство горечи, гнева и раздражения и есть те болезни, которые разлагают организм, выходя наружу стонами, кашлем и желчными словами.

Но вдруг на его каменном лице в мускуле щеки появлялась едва заметная юмористическая складка, а из уст вылетала чисто щедринская острота, до такой степени неожиданная, что все присутствующие невольно разражались смехом. А он продолжал сидеть также неподвижно, глаза смотрели также строго, и также продолжалась его гневно-рычащая речь. И становилось неловко от собственного смеха...

Потом мы стали часто видеться с Салтыковыми, Мих. Евгр. очень сошёлся с моей матерью и охотно беседовал с ней на литературные и политические темы. Иногда ~~он подливал~~ ~~ей~~ ~~алкоголь~~ из своей

жизни, давая в одном – двух словах удивительные характеристики людям. Пересказывая нам эти рассказы, мать моя иногда до слёз смеялась, припоминая какое-нибудь невзначай брошенное Салтыковым словечко или фразу.

Общий тон его рассказов всё-таки был мрачный и угрюмый. Конечно мрачны были его воспоминания о своём детстве, о семье и, особенно, о матери, которую он так ярко изобразил в госпоже Голлвлёвой. "Я до сих пор ненавижу эту ужасную женщину", – как-то сказал он про свою мать.

Елизавета Апполоновна (супруга) иногда присутствовала при этих беседах, но вступала в разговор всегда невпопад, делая внезапно наивно щебечущим тоном совершенно не идущие к делу замечания, что страшно раздражало Салтыкова. Порой он не мог сдержаться:

"Замолчи, вечно всякий вздор болтаешь, у-у-у", – рычал он.

"Ах, Мишель", – щебетал в ответ наивный голосок.

"Молчи, дура!" ...

Однажды Салтыковы взяли меня с собой кататься в их ландо. Мы ехали вдоль большого озера³, версты в две шириной, на противоположной стороне которого, на горе, виднелась большая дача С.П. Боткина. Е.А. смотрела на эту дачу и вдруг обратилась ко мне с вопросом: "Скажите, отчего С.П. Боткин не построит мост через озеро. Там бы хорошо было кататься".

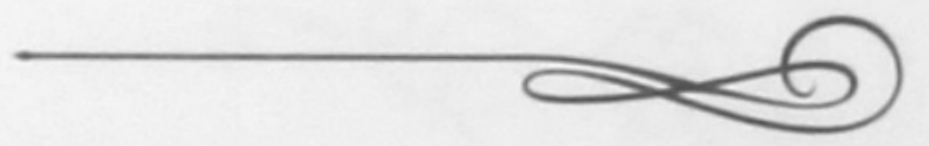
Плед, покрывавший с головой Мих. Евгр., нервно зашевелился, и из отдушины, оставленной для воздуха, послышалось рычание и обычное – "Дура!" ...».

Михаил Евграфович! Дорогой учитель! Укрой меня твоим чугуном вицмундиром!

Приятель же Салтыкова, Сергей Петрович Боткин был не только знаменитым профессором, «выдумавшим» «болезнь Боткина», но и совладельцем крупнейшей в России чайной компании «Боткин Петрысьновья», человеком чрезвычайно богатым и владевшим почти всей нынешней Тарасовкой.

«Сыновья» были московскими меценатами, и дружили с основателем галереи Павлом Михайловичем Третьяковым, дочь которого оказалась замужем за одним из них – Сергеем. Ближайшим другом Третьякова и помощником в создании галереи был великий русский художник Крамской, которого Третьяков попросил для

³ Видимо, имеется в виду озеро Риескъярви ныне Подгорное.

галереи написать портрет знаменитого свояка. Здесь в 1881 году и был написан, находящийся в Третьяковке, известный портрет Боткина в бороде и очках.

Рассказывая о художниках, живших в Мустамяках, следует обратить внимание на открывающиеся справа от дороги на юго-западном склоне сюкияльского холма живописные домики, удачно замеченные убежавшим в Финляндию в 1920 году Василием Ивановичем Шухаевым. Пока его друг художник Яковлев хлопотал французскую визу в Париже; томившийся в Мустамяках Шухаев в течении года написал несколько пейзажей, портретов и натюрмортов, как утверждают специалисты, в полной мере передавших его томление и болезненное мировосприятие. Выставленные сразу по приезде во Францию картины разошлись по частным коллекциям.

Вернувшийся после войны на родину Василий Иванович угодил в лагерь и оставался художником известным в основном по портрету Ларисы Рейснер в позе Джоконды, похожей на какого-то мордоворота. В последнее время Шухаев сделался модным и начал продаваться. Небольшой пейзаж размером 80х65 см. «Финская деревня. Крыши» ушёл на Christies за 1 116 414 долларов. А дома на юго-западном склоне сюкияльского холма, вдохновившие художника, стоят и продаются по цене дров. Можно посмотреть, пока не снесли.

Цела ещё и построенная в 1856 году мельница, изображённая на картине Валентина Серова. С абсолютной точностью можно встать на то место, с которого в 1902 году художник писал свою «Финскую мельницу» (см. 3-ю стр. обложки). Так же бежит река, по-прежнему стоит мельница, но исчезли сарай и стоящий вдали дом, заросла песчаная дорога, идущая от мельницы к южной части деревни, называвшейся по-фински Кирьявала.

К шухаевским домикам мы еще вернемся, правда, с другой стороны, а пока вместе с Горьким, продолжая движение, с северной стороны, проскочив небольшой лес, окажемся перед идущей с востока на запад горбатой грядой. На которой, как на ките из сказки «Конёк-горбунок», разбросаны дома, сараи и выродившиеся сады другой части деревни, называвшейся Нейвола.

Канун нового года был для Алексея Максимовича и Марии Фёдоровны временем значимым и памятным, десять лет назад на новогоднем мхатовском «капустнике» Горький признался Андреевой

**В. Маковский. Финляндия.
Рыбалка**

в любви «и все завертелось», как говаривал незабвенный Аркадий Аверченко.

Обгоняя влюблённого классика, войдём в деревню и двигаясь далее по улице Памяти жертв, минуя «горьковские», «ленинские», «андреевские» и другие памятные места, продолжим разговор о живописи.

Следующая местная достопримечательность, перенесённая на холст мастером – озеро и лодка с двумя чудаками более ста лет ожидающими поклёвки на полотне В. Маковского «Финляндия. Рыбалка».

Художником, на творчестве которого никак не отразилось местное очарование, оказался приезжавший сюда И.И. Бродский, написавший портрет Марии Фёдоровны на Капри в 1910 году. Потом ему стало не до того, так как он писал портреты вождей и, копируя с помощью подмастерьев, бесконечно «расстреливал» Бакинских комиссаров.

Остановившись посредине деревни на вершине Мустамякского холма, Бродским мы и закончим наше путешествие по великой горьковской дороге, но не Исааком Израилевичем, а Иосифом Александровичем однажды «проспавшим» Комарово, и в ожидании обратной электрички полтора часа «прозагоравшим» на вокзале в Горьковском.

А то, с чего бы я из Нобелевского лауреата эти строки выдернул? Вот так-то, брат Постум.

*Приезжай, попьём вина, закусим хлебом
Или сливами. Расскажешь мне известья.
Постелю тебе в саду под чистым небом
и скажу, как называются созвездья.*

Бродский И.А. Письма римскому другу

Дачники

*Жить в городе на те средства,
какие мы получаем от имения, невозможно —
Я предлагаю продать его
...Деньги обратить в процентные бумаги и
на излишек, какой останется, купить дачу в Финляндии.*

А.П. Чехов. «Дядя Ваня»

Феномен

Была у Антона Павловича мечта о даче в Финляндии. Не сошлось. У нашей героини всё и всегда сходилось. Главнейшая награда человеку от Господа — везение, а за тем, в том или ином количестве следуют: здоровье, ум и талант, красота. Был у меня знакомец Рома Вафин, напрочь лишенный последних четырёх даров — но первым обладавший в такой мере, что выходя погулять, почти ежедневно находил то червонец, а то и четвертной. Большинство людей к награде вообще не представлены. Наша героиня проходила по всем пяти пунктам да ещё в купе с другими достоинствами. И что удивительно, «...свой талант, красоту, обаяние отдала она делу социалистической революции, а не либерализму или реакции...», как простодушно заметил старый большевик Г.И. Петровский.

Своему нынешнему названию деревни, да и самому факту пребывания Горького в Мустамяках мы обязаны Марии Фёдоровне Андреевой. Женщине — внешности необыкновенной, актрисе и революционерке, теневому финансисту и авантюристке, музе, любовнице, преданной подруге классика, ставшей прообразом Маргариты в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита», и Мальвины в сказке А. Толстого «Буратино».

Саша Чёрный писал Андреевой на Капри:

*Из взбитых сливок нежный шарф
Движенья склонны-благосклонны
Глаза насмешливой мадонны
И голос мягче эха арф*

*Когда взыскательным перстом
Она, склонясь, собачек гладит,
Невольно зависть в грудь зосядет:
Зачем и я, мол, не с хвостом?*

Саша Чёрный. Марии Фёдоровне (почтительная акварель)

Феноменом окрестил её не склонный к восторженности товарищ Ленин. Красиво, по-ленински точно и заслуженно. Крупскую, к примеру, звали Миногой, Фотиеву – Киской, Кржижановскую – Булкой.

Вспомните о трёх источниках и трёх составных частях марксизма⁴ в России: товарищ Коба с кавказскими «эксами» и Мария Фёдоровна с Морозовым и Горьким были двумя таковыми источниками – источниками партийных денег. Не будь этих денег, неизвестно, как бы всё обернулось.

Машеньке Юрковской везло с рождения, она родилась в Петербурге 4 июля 1868 года в обеспеченной интеллигентной семье главного режиссера Императорского Александринского театра. С отличием окончила гимназию. От сверстниц отличаясь красотой необыкновенной, увековеченной мэтром Иваном Николаевичем Крамским на картине «Зачиталась. (Маша Юрковская)». В двадцать лет успешно, по любви, вышла замуж за 38-летнего действительного статского советника Андрея Алексеевича Желябужского, чеховского положительного героя в генеральском чине, имя которого вскоре станет её сценическим псевдонимом. В 1888 году у них родился сын, через год – дочь. В 1894 году состоялся сценический дебют Марии Фёдоровны на провинциальной сцене, а с 1898-го Андреева – уже примадонна Художественного театра.

«Природа щедро наградила её необыкновенной красотой и пластичностью, но это явилось лишь приятным дополнением к её сценическому

⁴ «Три источника и три составных части марксизма» – статья В.И. Ленина, написанная в связи с 30-летием смерти К. Маркса.

дарованию, а сценическое дарование Марии Фёдоровны было многогранным и нежным, как цветок, весенний запах которого не дурманит, а очищает душу своей свежестью».

В начале прошлого века, на переломе эпох судьба свела Марию Фёдоровну с тремя мужчинами. Не особо вдаваясь в подробности отношений личных, отметим, что двое из них платили Марии Фёдоровне, третьему платила она.

Леонид Борисович Красин, революционный змей-искуситель, увлёк благополучную сорокалетнюю Марию Фёдоровну.

Увлёк романтикой революционной борьбы и, не смущаясь, успешно вытягивал через неё деньги у находившегося на вершине популярности писателя, преуспевающего владельца издательства «Знание» Максима Горького и текстильного миллионера Саввы Морозова.

С Горьким на гастролях в Севастополе актрису познакомил Чехов.

«— Черт знает! Черт знает, как вы великолепно играете, — басит Алексей Максимович и трясет меня изо всей силы за руку (он всегда басит, когда конфузится). А я смотрю на него с глубоким волнением, ужасно обрадованная, что ему понравилось, и странно мне, что он чертыхается, странен его костюм, высокие сапоги, разлетайка, длинные прямые волосы, странно, что у него грубые черты лица, рыжеватые усы. Не таким я его себе представляла».

И вдруг из-за длинных ресниц глянули голубые глаза, губы сложились в обаятельную детскую улыбку, показалось мне его лицо красивее красивого, и радостно ёкнуло сердце».

Вскоре завязался роман.

Соперник Горького Савва Тимофеевич Морозов боготворил актрису. Выполнял все её прихоти. Для неё он построил Художественный театр. В странном порыве сблизиться застраховал свою жизнь на 100

*И.И. Бродский. Портрет
М.Ф. Андреевой*

*А.М. Горький и М. Ф. Андреева
в Пенатах*

тысяч рублей, оформив полис на её имя. Ревнуя, в отчаянии, пытался стреляться остановленный Андреевой, впопыхах, забыл разорвать записку с просьбой, чтоб в его смерти ни кого не винили, без даты и подписи. В 1905-м в гостинице в Каннах Морозова, накануне отказавшего Красину в деньгах, нашли мертвым. Предположили самоубийство. Следствие французскими властями было проведено поверхностно, отмечалось несвойственное самоубийцам положение трупа, несоответствие калибра пули и револьвера и ещё куча неувязок. На столе лежала записка без подписи и даты.

Вдова Морозова пыталась оспорить завещание в суде, но решение было принято не в её пользу. Мария Фёдоровна получила 100 тысяч рублей страховки. Из них 60 тысяч она передала в кассу РСДРП, 10 тысяч – студентам, которые при жизни Морозова учились на его деньги, тысячу адвокату, 16 тысяч пошли на уплату долгов Марии Фёдоровны и 13 тысяч отданы сестре, на которые была куплена дача в Финляндии, вблизи Мустамяк.

К концу 1903 года Мария Фёдоровна окончательно становится неофициальной женой Горького. Рассорившись со Станиславским, бросает Художественный театр, занимается революцией, всё больше втягивая в это дело Алексея Максимовича. Позже Горький отметил, что именно в 1903 году он «примазался к большевикам». В январе 1906-го, опасаясь ареста, они бегут за границу и семь лет живут на Капри. Как писала Мария Фёдоровна, в этот период она работала «находясь в личном распоряжении товарища Ленина». В 1913 году амнистированная чета вернулась в Россию. Встал вопрос, где безопаснее поселиться? Решили, на первое время, у сестрицы на даче.

И.И. Бродский и А.М. Горький на Капри

Дача Екатерины Фёдоровны и Владимира Александровича фон Критов находилась в юго-западной части нашей деревни называемой Кирьявала, в трёхстах метрах от сохранившейся дачи А.П. Горбовской, двигаясь вниз с холма в сторону фермы. Дачи соединяла тропинка, вполне заметная до сих пор. В описываемое время, это был небольшой одноэтажный деревянный дом с четырьмя комнатами, кухней и верандой, окрашенный красной краской. В этом доме Криты продолжали жить и после революции в независимой Финляндии. В 1928 году они передали письма и рукописи Горького в советские архивы. В 1940-м в этом здании был организован музей. Сейчас, от разрушенного попаданием снаряда дома, остался только, заросший травой в человеческий рост, фундамент и посаженные Владимиром Александровичем кедр.

Вечером 31 декабря 1913 года в этот дом вошёл Максим Горький.

Заглянем в написанную об Андреевой книгу Н.А. Волоховой:

«Умывшись с дороги – умывались обычно на кухне, все сели за стол. Предпраздничный обед был самый простой. Его меню было составлено ещё Юрковскими, родителями Марии Федоровны, и оставалось неизменным у Желябужских и Критов. На первое были поданы кислые щи со сметаной и рассыпчатой гречневой кашей в горшке на второе – отварное мясо с отваренным картофелем, репой и хреном, на третье холодный клюквенный кисель с молоком. После обеда

Дача Критов в Мустаяках

подавали чай с варением и каким-нибудь домашним печением – булочками или коржиками.

После обеда начались приготовления к новогодней ёлке. А зажечь её попросили Алексея Максимовича. Он это делал с торжественной радостью. Он зажжёт все свечи, сел на стул и улыбнулся какой-то детской улыбкой и просидел, не шевелясь, пока Юра не погасил последнюю свечу.

– Да, брат, это тебе не Италия, – сказал Юре Алексей Максимович и глаза его увлажнились.

– Не зря говорят: Россия – мать наша».

Кстати, Юра это сын Андреевой – Юрий Андреевич Желябужский известный кинорежиссер, снявший «Папиросницу от Моссельпрома» с Игорем Ильинским.

Волохова продолжает: «Распорядок дня, установленный Критами, с приездом Алексея Максимовича не изменился, и Алексей Максимович сразу принял его. Он вставал в девять и выходил в столовую не позднее половины десятого, всегда чисто выбритым и аккуратно

одетым. После чая Горький выходил на улицу и гулял до завтрака. Он учился ходить на лыжах, но искусством этим так и не овладел. С удовольствием колот дрова, разметал двор от снега, расчищал попатой дорожки. Если на рябину, растущую в саду, налетала стайка птиц, он бросал работу и, прячась за углом, любовался ими. Особенно радовался он, когда прилетали снегири.

В двенадцать садились завтракать. После чего Алексей Максимович уходил к себе и либо отвечал на письма – почта приходила около часа – либо беседовал с приезжающими к нему людьми. Около трёх он снова выходил на улицу, где находил себе какую-либо работу во дворе.

В четыре часа обычно ставили самовар. Выпив стакан чая с молоком, Алексей Максимович снова уходил к себе и садился за работу. В это время, его, как правило, не тревожили.

В шесть часов вечера подавался обед. Он был прост и состоял из трёх блюд. Никаких закусок и вина к обеду не подавали. Из блюд, готовившихся на обед, Алексею Максимовичу особенно нравился форшмак и пироги с грибами, которые действительно вкусно пекла Ириша. После обеда пили чай, после чая Алексей Максимович снова уходил к себе и работал. В 10 часов вечера подавался вечерний чай...».

Криты были интеллигентными людьми. С Горьким их связывала давняя дружба – с 1903 года. По вечерам Екатерина Фёдоровна играла на рояле, а Владимир Александрович пел романсы несильным, но приятным баритоном. В такие минуты Алексей Максимович усаживался у печки и слушал. Чувствовалось, что он соскучился по России, русской земле, русской печке и русским песням. Просил спеть «Однозвучно гремит колокольчик», «Утро туманное». Екатерина Фёдоровна, зная вкус Алексея Максимовича, играла ему отрывки из Грига, старинные вальсы и испанские танцы.

Летом 1914 года Горький очень увлёкся садом, который разводил у домика Критов. Алексей Максимович принимал деятельное участие в посадке фруктовых деревьев, привёз из какой-то усадьбы под Павловском несколько кустиков неизвестного сорта садовой клубники, ездил в имение генерала Спиридонова на озере Ваммельярви¹ покупать белую садовую малину. А на станции Кямьяра в чьей-то оранжерее купил какие-то особенные вишни».

¹ Е.А. Балашов в книге Карельский перешеек. Земля неизвестная. Часть 1, приводит несколько версий значения слова «Vammela». В советское время это озеро стало Гладышевским.

Жёлтый дом на холме

Летом 1914 года Горький и Андреева снимают дачу у соседки Критов. Д.Н. Семёновский, в те годы начинающий поэт, гостивший у Горького в 1915 году, впоследствии вспоминал: «Пансионат Ланг, деревянный, двухэтажный дом, стоял на холме. Из окон было видно, как на юг и на запад, словно толпы монахов, уходят хмурые хвойные леса. Они спускаются в долину к синему озеру, обходят его и простираются до самого горизонта, густые и туманные.

В Финляндии я увидел Горького великим тружеником. Он сходил к завтраку и обеду молчаливый и рассеянный, светло-голубые глаза его были устремлены куда-то вдаль... Он, молча, пил кефир; раз вернув газету, читал, курил, барабанил по столу пальцами, думал о чем-то своем и снова уходил в кабинет. Снова наверху раздавались глухие мерные шаги».

В 1934 году Горький назовет стихи Семёновского однообразными и тяжёлыми.

Самым значительным произведением из тех, над которыми Горький работал в Мустамяках, стала повесть «В людях» и 18 рассказов из цикла «По Руси».

В Мустамяках Горький возглавил писательскую «колоннию». Здесь жили известные в ту пору литераторы Евгений Чириков, Демьян Бедный, Владимир Бонч-Бруевич, Федор Фальковский, Василий Бруснянин.

В Мустамяках у Горького бывали многие, гостили Ф.И. Шаляпин, М.М. Пришвин, приезжали Д.Д. Бурлюк, В.В. Маяковский. В Мустамяках вместе с Пришвиным и Шаляпиным Горький встретил 1915 год.

Толпы большевиков осаждали гостеприимную дачу. Здесь побывали Г.И. Петровский, О.М. Нахамкис (Стеклов), М.С. Ольминский, Р.В. Малиновский, А.Е. Бадаев и многие другие революционеры.

На этой даче Горький с Андреевой живут во второй половине 1914 года, почти весь 1915 год, лето и часть зимы 1916 года. Сюда приезжают и в первой половине 1917 года, но уже реже, большей частью проживая Петрограде на Кронверкском проспекте.

Как только не называют эту горьковскую дачу, из-за многоступенчатой фамилии её хозяйки Анны Павловны Горбовской-Ланге, во втором браке Горбик, сдуру ассоциируя фамилию Горбик с мустамякским холмом.

Сейчас исторгнувший обитателей, чудом уцелевший и сменивший нескольких владельцев дом пустует. Двухэтажный, деревянный,

*Семилетняя школа в Горьковском
(бывший пансионат А.П. Ланге). 1957 г.*

оштукатуренный и окрашенный жёлтой краской с верандой – балконом с восточной и южной сторон, с жестяной крышей и печной трубой. Дом стоит в одном из красивейших мест деревни, почти на вершине холма, с которого открывается потрясающая панорама, в хорошую погоду, позволяющая рассмотреть купол Исаакия, Кронштадт и южный берег залива. С северной стороны, с крыльца дома, через небольшие сени, можно пройти в холл. Отсюда налево в комнату, служившую столовой и гостиной с высокой кафельной печкой, вверх по двухпролётной лестнице на второй этаж в кабинет, библиотеку и спальни, направо – под лестницу через комнаты прислуги, можно выйти чёрным ходом на второе крыльцо с западной торцевой стороны здания.

Напротив крыльца через площадку (ныне не существующие) – глубокий колодец из бетонных колец, левее флигель и сложенный из тёсаного камня ледник.

Странным образом нашёл упокоение в горьковском леднике умерший в Мустамяках писатель Леонид Андреев, бывавший в гостях на этой даче – знаменитый автор страшного «Рассказа о семи повешенных».

Вокруг дачи засыхает парк с живописными тропинками, сбегаящими с холма меж старинных деревьев, с заваленным родником и ручьём, пробивающимся из-под кучи мусора.

В парке, вдоль тропы, растут несколько сосен, достигших предельного возраста. Когда-то специально посаженные, значительно

М. Горький и Ф. Шаляпин

превышающие собратьев по высоте и толщине стволов. Они были великанами уже в незабвенные горьковские времена. Тот же Д.Н. Семёновский, рассказывает, как Алексей Максимович и Мария Фёдоровна, в порыве угасающей страсти, шая и резвясь, вдвоём пытались безуспешно обнять старые деревья. Руки не сходились. Пытаемся повторить это через сто лет... Увы – сходятся. Или у меня руки оказались длиннее, чем у Горького, или же madame Андреева была значительно монументальней моей подружки...

В этом доме в конце пятидесятых годов размещалась Горьковская сельская школа. Расскажу забавную историю об одном уроке, сохранившуюся в памяти, не отягощённой истматом, диаматом и горьковским соцреализмом.

Необыкновенный урок

Зима. Канун нового года. Конец четверти. За застывшими окнами тающие сумерки. Запах еловой хвои, угара из натопленных с утра печей и мышей, грызущих сваленные в углу географические карты. Бревенчатые стены класса оклеены обоями, напоминающими полинялую рубаху. На стене – портрет Чехова, глядящего внимательно, как будто говоря: «Выпороть бы вас, голубчики!».

На первых рядах, ярко освещённых лампой, краснощёкие сельские детки, а далее – в сумеречной глубине, с трудом умещааясь за

партами, сидят второгодники-переростки с пробивающейся на щеках щетиной, одетые в отцовские ватники и кирзовые сапоги.

Учителей в школе не хватает хронически. Сбежавшего преподавателя немецкого языка замещает учитель труда, отставной майор – танкист Дмитрий Никифорович Онуфриев-Кисличкин. Немецкий Дмитрий Никифорович знает в объеме Второго Украинского фронта, успешно восполняя кулаком пробелы в языкознании и педагогике. Начав с фронтовых ста грамм, Онуфриев-Кисличкин регулярно, без вреда для своего здоровья, пьёт. В трезвом состоянии учитель молчалив и необуздан, в пьяном – танкист чудит.

Первый урок. Старуха уборщица тётка Маша бьёт в заменяющее звонко ботало, снятое с коровы Милки. Встречаемый настороженными взглядами учеников, педагог появляется в классе. Садится, огромным платком утирает свою пунцовую лупетку, в момент накрывая класс ни с чем не сравнимым запахом выпитой на морозе водки. Этот запах, верный спутник праздника, радостью наполняет сердца детей. Шум в классе растёт. Самому Дмитрию Никифоровичу тоже весело и радостно, и чудная мысль германской осветительной ракетой взрывается в его башке.

– Дети, а давайте, заменим урок немецкого уроком пения, – с подъемом говорит учитель. Дети, ожидая одобрения, вопросительно косятся на переростков и, получив его в виде диких фигур и ужасных гримас, дружно выражают свое согласие. Дмитрий Никифорович поднимается на возвышенность у доски, класс замирает, наступает пауза. Учитель поднимает голову, задумчиво и ласково вглядывается вдаль, слегка ударяет огромными кулаками в грудь, разжимает их и, одновременно широко размахнув руками, как бы обнимая весь класс, гаркает: «По диким степям Забайкалья, где зо-ло-то ро-ют в гор-а-а-ах...», «А-а-ах... ах-ах...», – подхваченное дискантами деток и басами второгодников, отзывается эхом в тёмных углах старой школы и, вырвавшись за замерзшие окна, перемешиваясь с позёмкой, несётся по деревенской улице. «Бродяга судьбу про-кли-ная...».

– Матушка! Пресвятая Богородица! – крестясь, говорит тётка Маша, заслушавшись и забывая ударить в колокол. «Тасцился с сумой на плеча-а-ах...».

Медленно светает.

Новый год маленьким неприкаянным оборвышем входит в занесённую снегом деревню.

*Горьковская начальная школа. 2-й класс. 1962 год.
 1-й ряд слева направо: Фёдоров, Зайцев, Кузнецов, Зорин,
 Чернышев, Раков, Тимонин. 2-й ряд: Чернов, Колобашки,
 Сотников, Зеленков, Фёдорова, Шелёхина, Познякова, Худякова,
 Бадичкина. 3-й ряд: Румянцева, Шаров, Жуган, Сенцов,
 Калиничев, Тимонина, Панина, Лемехова, Фирсова, Познякова,
 Васина. Учитель Батракова Лидия Александровна.*

Феномен (продолжение)

1917 год. Революция в России. Горький ругает большевиков, «передовая общественность» ругает Горького, большевики давят всех. Мария Фёдоровна, пятидесятилетняя революционная валькирия — первых рядах.

В организованном самим писателем издательстве «Всемирная литература», Горький знакомится с двадцатисемилетней Марией Игнатьевной Бенкендорф (Будберг), Мурой, вскоре ставшей его секретарём.

Н. Берберова пишет: «Охлаждение отношений с Марией Фёдоровной наступило ещё до революции, но она всё ещё жила в большой квартире писателя. В доме Горького жили его дети, и дети его

жён, друзья. Часто ночевали гости. Мура всем нравилась, а когда через месяц начались холода, её пригласили жить на квартиру писателя. Комнаты Горького и Муры были рядом. Мура уверенно заняла место хозяйки, Мария Федоровна Андреева тактично отдалась. Впрочем, надо заметить, что Мура очень быстро установила с ней прекрасные отношения. Никакой ревности не было, хотя Андреева, прекрасно знавшая Горького, уже поняла, что Мура занимает главное место не только за обеденным столом, но и в сердце хозяина квартиры».

Андреева, назначенная комиссаром театров и зрелищ Петрограда, и вдумайтесь – членом Военно-театрального комитета, руководит организацией диких массовых представлений на улицах умирающего города⁶. В 1919-м она назначается ещё и комиссаром Экспертной комиссии Петроградского отделения Народного комиссариата внешней торговли, заслужив самые неблагоприятные отзывы друзей и знакомых, подвергнутых экспроприации по её наводке.

В 1921 году Мария Фёдоровна уехала из разоренной и голодной страны в Германию, где прожила до 1930 года. В 1936-м в качестве вдовы триедино с Пешковой и Мурой, проводила в последний путь Горького. Несмотря на то, что одним из ее последних увлечений был П.П. Крючков (моложе её на 17 лет), ставший с подачи Марии Федоровны личным секретарем Горького и взявший на себя вину за убийство пролетарского писателя, несмотря на доносы о её многочисленных злоупотреблениях, репрессии не коснулись ни Марии Фёдоровны, ни членов её семьи, ни даже генерала Желябужского. С 1930 по 1948 годы Мария Федоровна руководила Домом ученых в Москве, где бесконечно выступала с рассказами о Максиме Горьком, уход от которого она себе так и не простила: «Я была не права, что покинула Горького. Я поступила, как женщина, а надо было поступить иначе: это все-таки был Горький».

Обласканная вниманием властей и многочисленных родственников Мария Фёдоровна Андреева тихо скончалась в Москве 8 декабря 1953 в возрасте 85 лет.

⁶ Восторгавшийся когда-то Андреевой Саша Чёрный напишет позднее: «А мелочь, левые мазилки, конечно, ставку свою сделали не зря. Ведь раздолье какое.. Ни знания, ни таланта, ни своеобразия. Приложились только верноподданно к красной туфле М.Ф. Андреевой, опусти раскаявшиеся глаза к советскому подножию и выиграл из недочки, полуголодной богемы попадешь в привилегированную насту советских гениев».

*Сильны любовь и слава смертных дней,
И красота сильна. Но смерть сильнее.*

Джон Китс (перевод С.Я. Маршак)

Смерть человека

Смерть не самая подходящая тема для праздного дачного разговора, но покойному тема нравилась. Смерть была «коньком» писателя Леонида Андреева.

Корней Чуковский пишет: «То была его любимая тема. Слово "смерть" он произносил особенно – очень выпукло и чувственно: смерть, как некоторые сластолюбцы – слово женщина. Тут у Андреева был великий талант: он умел бояться смерти, как никто. Бояться смерти – дело нелегкое; многие пробуют, но у них ничего не выходит; Андрееву оно удавалось отлично; тут было истинное его призвание: испытывать смертельный, отчаянный ужас. Этот ужас чувствуется во всех его книгах, и я думаю, что именно от этого ужаса он спасался, хватаясь за цветную фотографию, за граммофоны, за живопись. Ему нужно было хоть чем-нибудь загородиться от тошнотворных приливов отчаяния. В страшные послереволюционные годы (1907-1910), когда в России свирепствовала эпидемия самоубийств, Андреев против воли стал вождем и апостолом уходящих из жизни. Они чуяли в нем своего. Помню, он показывал мне целую коллекцию предсмертных записок, адресованных ему самоубийцами. Очевидно у тех установился обычай: прежде чем покончить с собой, послать письмо Леониду Андрееву».

И ещё из воспоминаний Скитальца: «Не берусь судить насколько пьеса "Жизнь человека" изображает жизнь человека вообще, но для жизни самого Андреева она оказалась жутко пророческой – на нем самым сбылась вся жуть этой кошмарной фантазии: была "любовь и бедность", потом "слава и богатство", фантастический дом "пятнадцать комнат", смерть жены, гибель покинутого дома, в котором "мыши скребутся", и внезапная страшная "смерть человека". Все сбылось».

Сорокавосемилетний Леонид Андреев умер в 18 часов 12 сентября 1919 года в Мустамяках, на даче своего друга писателя Ф.Н. Фальковского. Осенью 1919 года, уставший от революционного бардак, больной измученный писатель, «запертый» в своём холодном дом

в Ваммельсуу, оказался посреди гражданской войны в Финляндии. Немецкие солдаты из Балтийской дивизии фон дер Гольца рыли окопы в его огороде, а красные военлёты из Кронштадта усердно их бомбили. Потрясённый происходящим, напуганный Леонид Николаевич с семьёй бежал из дома подальше от войны. В письме Н.К. Рериху от 4 сентября 1919 года Андреев называет себя «изгнанником трижды: из дома, из России и из творчества».

О последнем дне писателя рассказал его сын, Вадим Леонидович Андреев в книге «Детство»:

«...Всё это время до самой своей смерти, через много дней после налёта, отец чувствовал себя больным. Простуда не усиливалась, всё же не проходила. Он осунулся, его глаза стали тусклыми, давно не подстриженная борода покрывала щёки.

Мы переехали в Нейволу и поселились в большом деревянном доме, стоявшем высоко на горе над озером Вамельярви. Был отчётлив и необыкновенно прозрачен ясный, осенний день 12 сентября. Между разорванными в длину облаками выныривало солнце. По тёмным вершинам деревьев, по стальной поверхности озера бежали быстрые тени. Вдалеке между чёрными хвойными деревьями горело жёлтое пламя подожженных осенью берёз. Казалось, что всё – летело мимо дома, в котором мы жили.

Помню странное чувство, охватившее меня, – непрерывного и вместе с тем всё же ненастоящего движения (это от ветра).

С утра у отца болела голова. Он встал поздно и весь день не выходил из комнаты, оберегаясь от простуды. Вскоре после обеда, часа в три, отец лёг спать...

*Л.Н. Андреев.
Фотооткрытка начала XX в.*

Когда через час, после небольшой прогулки мы возвращались домой, я увидел, что окно отцовской спальни, выходящее на маленькое деревянное крыльцо, открыто настежь.

Он лежал на полу, на ковре, покрытый одеялом, около кровати. Его лицо чернело на фоне подушки, косо положенной под голову. Отец дышал тяжело с глухим протяжным хрипом. Высоко поднималась грудь, и прежде чем она успевала опуститься, мучительное дыхание снова вздымало её. На одеяле, сползшем в сторону, лежала рука. Пальцы то сжимались, то разжимались, скользя по белой поношенной простыне. Лицо было искажено и почти неузнаваемо...»

Горький, со слов К. Чуковского, получивший в Петрограде сообщение о смерти Андреева, резко ссутулился и произнёс: «А ведь это, как ни странно, был мой единственный друг». И не мог справиться со слезами.

Где же находится дача Фальковского? У Вадима Андреева читаем: «...Мы переехали в Нейволу⁷ и поселились в большом деревянном доме, стоявшем высоко на горе над озером Вамельярви – Черным озером ...».

Вроде всё ясно прописано, и это «над» я воспринимал буквально – дача стояла на берегу озера в деревне Айрикала. Под описание идеально походила стоявшая на крутом берегу у поворота дороги, разобранная после войны, двухэтажная дача с верандами. Так и считал долгое время до той поры, пока не прочёл последние записи в дневнике писателя, касающиеся его пребывания в Мустамяках:

«...Место красивое. Высоко на горе. Кругом море лесов, по зелёной глади которых, как по настоящему морю бегут тени облаков. Внизу озеро, далеко видны Н[овая] Кирка, Райвола».

Вновь бегущие тени облаков, но уже по зелёной глади лесов. В Айрикале вершин деревьев с бегущими тенями не разглядеть, они выше точки наблюдения, не видно отсюда ни Новой Кирхи, ни Райволы. Одновременно их можно видеть только из одной точки Мустамяк – с вершины Неувольского холма. Значит, дача стояла где то здесь, в Неуволе.

Ответ нашел в интернете, прочитав описание похорон в рижской газете «Для Вас» за 1934 год, написанное художником С.В. Животовским:

⁷ Финское название деревни Neuvola.

На похоронах Л. Андреева

«15 лет тому назад.

В лесу Новой Кирки (Усикиркко по-фински) шла горячая работа. На поляне, среди сосен, расположились группами странные люди. Русские солдаты в полном боевом обмундировании с ружьями и пулеметами, русские офицеры, и тут же немцы в касках. Немного в стороне товарищ Троцкий о чем-то горячо спорил с русским полковником, на груди которого белел георгиевский крест.

Прима-балерина Мариинского театра Егорова куталась в шерстяной плед, накинутый поверх бального платья.

– Ах, я совсем простудилась, – говорила она стоявшему около нее Ленину, – скоро ведь и снег выпадет, а я в бальном платье.

– Потерпите еще немного, – утешал ее Ленин, – еще две съемки, и фильма закончена.

Лениным был загримирован автор этих строк, по сценарию которого ставилась фильма.

В этот день мы надеялись закончить фильму. Но перед самой съемкой, среди участников съемки, а таковых было не меньше двухсот человек, разнеслась страшная весть: в Мустомяках, на даче Фальковского скоропостижно скончался Леонид Андреев. Финны, участвовавшие в массовых сценах, к этой вести отнеслись безразлично. Но русские артисты и русские беженцы, работавшие в фильме в качестве статистов, были буквально потрясены.

Илья Ефимович Репин, Леонид Андреев и Николай Рерих составляли то созвездие которое на эмигрантском небе Финляндии светило всем нам, русским беженцам. И вот одна из этих звезд закатилась так неожиданно для всех. Все за три дня до этого я видел Леонида Андреева в поезде железной дороги. Он ехал в Выборг. Правда, был он не весел. Печаль легла на его красивое лицо с большими грустными глазами. Но вид у него был совершенно здоровый.

И вдруг – катастрофа.

Конечно, ни о каких съемках в этот день не могло быть и речи. Наскоро разгримировавшись, на нескольких экипажах мы отправились в Мустомяки.

У Леонида Андреева в Финляндии была своя большая дача. Но над дачей русского писателя летали русские аэропланы и сбрасывали бомбы. Это и заставило его с женой, детьми и старушкой матерью

переселиться на дачу Фальковского, которая была дальше от русской границы.

В день своей смерти Леонид Андреев еще шутил. Фальковский принес ему с своего огорода крупный кочан капусты.

— Позвольте поднести вам том последнего моего сочинения, — сказал он.

Леонид Андреев взвесил на руке капусту и ответил:

— Спасибо. Хотел бы получить полное собрание ваших сочинений.

А за обедом он пошатнулся и умер, так же скоропостижно, как в свое время, в его же годы, умер его отец, тоже страдавший пороком сердца.

На высокой горе, точно средневековый замок, красовалась трехэтажная обширная дача Фальковского с башенками и балконами, с которых открывалась величественная панорама на лесные дали, горы и озера. Внутри дома было уютно и красиво. У Фальковского была богатая библиотека. И эта обширная читальная зала была любимой комнатой Леонида Андреева. Здесь же висел большой, прекрасно исполненный масляными красками портрет Леонида Андреева, написанный им самим в зеркало. А рядом с библиотечной была большая комната со стеклянными стенами. Нечто вроде ателье фотографа. В этой комнате и покоилось тело писателя до его погребения.

Часа за два до нашего приезда прибывшим из Гельсингфорса скульптором с покойного была снята гипсовая маска. И это почему-то ускорило процесс разложения. Лицо писателя распухло и посинело. Ему трудно было узнать. Велико было горе семьи писателя. Но тяжелее всего оно отразилось на матери покойного. Старушка боготворила своего сына. В отчаянии она покушалась на самоубийство. В день похорон ее вынули из петли. Горе застало всех врасплох. В день смерти Леонида Андреева во всем доме Фальковского оказалось наличными не более ста финских марок. Не было на что хоронить.

Но похороны все-таки состоялись. Некто — Гуревич — прислал из Выборга дорогой гроб. Он же попросил разрешения лично взять на себя и другие расходы по похоронам. Как мне передавали, этот Гуревич не был даже знаком с семьей Л. Андреева.

Хоронили русского писателя не совсем обычно. Гроб его не был зарыт в землю. Он был перенесен в соседнюю (выделено мной. — А.Б.) с дачей Фальковского гранитную беседку. Там его и поставили

на особом возвышении. Говорили, что это временно, – до падения большевиков. Когда Россия очистится от большевиков, гроб будет перевезен для погребения на родину.

И с тех пор прошло уже пятнадцать лет».⁸

Однако известно, что после кончины тело писателя перенесли не в беседку и не в склеп, а в гранитный ледник существующего по сей день пансионата А.П. Горбовской-Ланге.

Большинство окружающих пансионат домов построено после войны. Но на старых финских картах рядом с пансионатом можно разглядеть только два строения. Какое из них «соседнее»? Один из них дом – Кинчиных. Возможно – он, если учесть, что многие дачи финны переделали до неузнаваемости, но маловероятно – трудно представить третий этаж, домик мелковат.

Второго дома не существует, он был успешно сожжен советской штурмовой авиацией в 1944 году и до сих пор в округе валяются гильзы от 30-мм авиационных пушек. Сейчас на этом месте стоят дома каких-то приезжих новых людей. После войны здесь находились колхозные парники и теплица с кочегаркой.

В пятидесятые годы, пройдя от пансионата Горбовской-Ланге вдоль недавно спиленной проворными новыми людьми старинной кленовой аллеи, еще можно было увидеть часть огромного фундамента, явно рассчитанного на три этажа обширного здания, развалины кирпичного двора и исключительной глубины бетонированный колодец на самой высокой точке в округе.

За сто лет здесь всё изменилось, и не в лучшую сторону. Красивейшая вершина Неувольской горы испохаблена «последующими культурными наслоениями», но в ясный и ветреный сентябрьский день, остановившись где-то рядом – можно представить и даже рассмотреть замеченные умирающим писателем в вершинах деревьев трепещущие тени, несущиеся в безвозвратную неизвестность.

А сюжет после похорон развивался странно и жутковато, как из-под пера самого писателя. Вдова Андреева, Анна Ильинична, через бурлящую отголосками гражданской войны Финляндию безуспешно пыталась перевезти останки мужа в Петроград. Когда это не удалось, она не попыталась похоронить мужа на русском кладбище в Райволе, а оставила тело в превращённом в склеп леднике, на известной даче А.П. Горбовской, где уже находились забальзамированные тела мужа, сестры

⁸ <http://ristikivi.spb.ru/docs/common-emipress.html?id=1934092901>

и какого-то родственника хозяйки. Прах писателя захоронили на кладбище в Метсякюля лишь в 1924 году. В 1944-м штурмуя финскую линию укреплений VI³, по обработанному артиллерией кладбищу через могилу писателя «последним парадом» прошли наступающие советские войска. В 1956 году останки писателя с трудом отыскали и окончательно перезахоронили на Волковском кладбище в Ленинграде.

Владимир Ильич Ленин

Ленин

и теперь

живее всех живых.

В.В. Маяковский.

Эк хватил Владимир Владимирович в модном жанре «хоррор», умыкнув отчаянную фразу у египетских писцов, писавших такие штучки о фараонах.

В современных же публикациях только парализованные не лягнули Владимира Ильича: злодей, немецкий шпион, двоеженец и сукин кот. К тому же и противоречивые толкования революционных событий также вводят в заблуждение и не только молодых читателей, для которых всё это – история про белого бычка, но и людей постарше, даже сдававших в своё время на тройки Историю КПСС.

Писать об этом трудно. Залутался в разгадывании направленности ленинского величия, не улавливаю грань между содеянным добром и злом, да и пример коммунистического Китая, сбивает с толку и мешает однозначному определению ленинской сути.

Поэтому отправим Ильича прямо в Мустамяки, на дачу В.Д. Бонч-Бруевича. Но начнём рассказ с небольшой биографической справки. Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873 – 1955) – сын землемера. С 1895 года в РСДРП (партийная кличка – Дядя Том). С ноября 1917 года сменил массу партийных должностей. С 1933-го – директор Государственного литературного музея в Москве, с 1945-го – Музея истории атеизма и религии в Ленинграде. Написал огромное количество воспоминаний о Ленине, создававшие ложный и приукрашенный образ вождя, но полностью отвечавшие задачам коммунистической пропаганды и признаны в СССР классическими.

³ Линия VI (VI³) – финская линия обороны Вэммельсуу – Тайпале.

Два раза в год – 21 января и 22 апреля, в день смерти и в день рождения Ленина, – Бонч-Бруевич собирал музейщиков в лекционном зале. Собственноручно вносил портрет Ильича, устанавливал его на столе, а сам поднимался на трибуну. И – эпизод за эпизодом – вдумчиво вспоминал незабвенного покойника. И каждый новый эпизод начинался одинаково:

– Вызывает меня Владимир Ильич и говорит... – На этих словах рассказчик поворачивался к портрету и выдерживал паузу, как будто ожидал, что тот наконец откроет рот и продиктует свои бесценные указания. Но Ленин с портрета лишь пристально, не моргая, смотрел на всех и на каждого и внимательно внимал. И Бончу приходилось говорить и за себя, и за него. От даты к дате Владимир Ильич говорил все больше и больше. Оно и понятно. С возрастом говорливость усугубляется. А Ленин тоже не молодеет.

Но ничего нового в этом не было. Новое появилось однажды, когда Бонч-Бруевич произнес как «Отче наш»:

– Вызывает меня Владимир Ильич и говорит... – и повернулся к портрету, помолчал, затем поднял глаза под потолок, как будто искал икону. Не нашел и живо вставил:

– Ну и, конечно, Иосиф Виссарионович – рядом.

С тех пор Бонч-Бруевич уже ни разу не мог застать Ленина в кабинете одного.

В.Д. Бонч-Бруевич был женат на Вере Михайловне Величкиной, а после её кончины в 1918 году – на Анне Тинкер.

Его дочь, врач Елена Владимировна, супруга литератора и публициста Л.Л. Авербаха. Мать Л. Авербаха – Софья Михайловна, сестра

*В.И. Ленин и В.Д.Бонч-Бруевич
в Кремле. 1918 г.*

Якова Свердлова. Сестра Леопольда Авербаха, Ида Авербах, была замужем за Генрихом Ягодой.

Секретарь Политбюро ВКП (б) в 1920-х годах Б.Г. Бажанов в своих воспоминаниях писал: У «четырех братьев Свердловых была сестра. Она вышла замуж за богатого человека Авербаха, жившего где-то на юге России. У Авербахов были сын и дочь. Сын Леопольд, очень бойкий и нахальный юноша, открыл в себе призвание руководить русской литературой и одно время через группу "напостовцев"¹² осуществлял твердый чекистский контроль в литературных кругах. А опирался он при этом главным образом на родственную связь с Ягодой». Арестован и расстрелян в 1937 году.

Старый большевик Бонч-Бруевич от сталинских репрессий спасся, но его дочь Елену, которую в эмиграции любили нянчить Ленин и Крупская, не пощадили: в сентябре 1937 года она была осуждена на семь лет лагерей. Бонч-Бруевич долгие годы безуспешно хлопотал за дочь у Сталина и Берии, но Елену освободили условно-догощчно лишь в 1943-м.

Владимир Дмитриевич и Вера Михайловна Бонч-Бруевичи были не только надёжными соратниками по партии, но и давними близкими друзьями Владимира Ильича. Знакомство и последующая дружба Бонч-Бруевичей с Лениным и Крупской, началась ещё в эмиграции в начале XX века, а Вера Михайловна с 1902 года была ещё и лечащим врачом Ильича. В последующем подтверждение дружеской привязанности и доверия проявилось в назначении Владимира Дмитриевича на деликатный и ответственный пост управляющего делами Совнаркома Советской республики.

В Мустамяках, на западной окраине деревни Нейвола, справа, совсем рядом от дороги, ведущей к озеру, у Бонч-Бруевичей была дача – одноэтажный дом с мезонином и верандами. На дворе – корова, куры, рядом – огород. К сожалению, дача не сохранилась, разрушена до 1940 года, на её месте стоит зажатая нелепыми новодепами стела, напоминающая о пребывании здесь Ильича. Кроме четы Бонч-Бруевичей и их дочери Елены на даче жила няня дочери Воробьёв: Ульяна Александровна.

Здесь и направился Владимир Ильич 29 июня 1917 года в компании сестры Марии Ильиничны и двух охранников, фамилии которых установить не удалось. Две недели жизни Ленина на даче описал сам Владимир Дмитриевич в упомянутой Волкогоновым

¹² Журнал «На посту».

«предельно слащавой» книге «Воспоминания о Ленине»... и в «Рассказах для детей».

Вот как описана встреча: «И вдруг неожиданно, 27 июня, часов в пять вечера, смотрю и прямо не верю глазам своим, помню, даже как-то растерялся: шествует прямо на балкон по лестничке Демьян Бедный, загораживая своей широкой спиной всех остальных. За ним Владимир Ильич с маленьким чемоданчиком в руках и тут же Мария Ильинична. Демьян, шутя и каламбуя, заразительно смеясь и радуясь, кричал:

– Вот вам какого гостя веду.. Нет, Вера Михайлова, как вам угодно, а по этой причине без лекарств я не уйду... У меня и так живот болит, а теперь нет-с, по такому счастливому случаю, пожалуйте капелек...».

Капельки – обычная процедура по приезду на дачу. Каждую пятницу, к вечеру, по Мустаякам от дома к дому тянутся голубые дымки от мангалов и самоваров, пахнет вереском и жареным мясом, слышатся звуки граммофона, женский смех и писк комаров, от которых спасают только веранды, освещенные изнутри как китайские фонарики на фоне постепенно угасающего неба.

*Белая ночь. Под раскрытым окном
С писем заветной тетрадкой
Юная дева мечтает о «нем»,
Маясь истомою сладкой.
Круто вздымается грудь, как волна,
Влагой туманятся очи.
Ах, как прелестны, – лепечет она
Майские белые ночи.*

Бонч-Бруевич рассказывает далее: «Наутро оказалось, что Владимир Ильич действительно спал в эту ночь больше, чем в последнее время.

Он встал бодрым.

– Как хорош воздух, прямо замечательно хорош, – сказал он, войдя в сад».

Ленин продолжил отдых: днём «прихватил» ещё часа полтора под кустами сирени и бузины, ввечеру направился в огород, где «забросал вопросами», торчащую на грядках буквой «Г» няньку.

«С каждым днём к нему всё больше возвращается сон, и сам он становится бодрее, – продолжает рассказывать Бонч-Бруевич,

– нередко, по большей части с Марией Ильиничной, а иногда и со всей нашей компанией, он ходил гулять к Большому озеру, на берегу которого любил подолгу просиживать.

Несколько раз я ходил с ним купаться, и так как Владимир Ильич был замечательный пловец, то мне бывало жутко смотреть на него: уплывёт далеко-далеко и там лежит и качается на волнах, как-то сядет в воде по пояс, обеими руками приглаживает волосы, венком оторачивающие поблескивающую на солнце голову, утрёт лицо, избавится от лишней влаги, и кричит, и мнит, и доволен...

– Что же вы? Здесь прекрасно! Очень хорошо!».

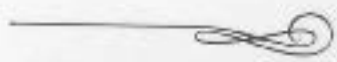
Трудно не согласиться, озеро действительно замечательное, пожалуй, даже уникальное. Совсем не похожее на близлежащие озёра Лебяжьего и Семиозерья. По-фински называется Вамельярви, русское же название – Гладышевское – как-то не прижилось – все местные называют его просто Озеро.¹¹

Озеро проточное, в нём несколько течений, созданных реками, несколькими холодными ручьями и бьющими со дна ключами. Уникальность озера в составе воды, исключительно мягкой, потрясающе очищающей и отбеливающей кожу, в резко меняющейся температуре воды у берега, в центре и по ходу течений. В озере много рыбы, дилетанты сидят часами впустую, но умельцы таскают и лососей и судаков, ставя сетки по ходу течений.

Окружённое холмами, озеро защищено от ветра со всех направлений. Широкая живописная картинка «земля – вода» постоянно меняется, в зависимости от освещённости, температуры, дождя, тумана и времени суток.

Лучшее время жизни провёл я на Озере. Целыми днями, купаясь до посинения и загорая так, что отшелушиваемая уникальной водой кожа, облезавшая по несколько раз за сезон, приобретала совершенно эфиопский оттенок. От деревни до озера три километра уходили на весь день, домой возвращались, когда уже не было сил голодными и еле волоча ноги.

¹¹ Из Озера вытекает река Ваммельйоки. В деревне Ванхасаха (ныне Сосново Поляна) к ней присоединяется Райволанйоки. В советское время Ваммельйоки переименовали в Гладышевку, но почему-то только до соединения с Рошинной (бывшей Райволанйоки). Так образовалась короткая речка с очень «редким» для наших мест названием – Черная речка. На Гладышевке сохранилась мельница. В Сосново Поляне – остатки плотины.

Еще одна особенность – очень пологие берега, озеро хоть и глубокое, но до «глубины», как в Финском заливе – метров триста, купающихся «на глубине», с берега почти не видно. Залывающийся очень далеко Ильич даже вызвал тревогу и беспокойство у наблюдавших за купанием мустамякских дачниц, на что в целях конспирации, Бонч вынужден был соврать, что купальщик – бывший балтийский матрос, списанный за пьянство. Накупавшись всласть и выбравшись на берег, Владимир Ильич заметил:

– Купающихся всё-таки мало, да и те жмутся к кустам и чувствуют себя как-то робко, стесняются. Вот за границей, – сказал он, – уже иначе. Там нигде нет такого простора. Но, например, в Германии, на озёрах такая колоссальная потребность в купании у рабочих, у гуляющей по праздникам публики, а в жаркое лето ежедневно, что там купаются открыто, прямо с берега, друг около друга и мужчины, и женщины. Разве нельзя раздеться аккуратно и пойти купаться без хулиганства, а уважая друг друга?

– Конечно, можно, – ответил я ему. – Но, к сожалению, у нас слишком много безобразников и нездорового любопытства, что при общей некультурности нередко приводит не только к неприятностям, но и к скандалам.

– С этим надо бороться, отчаянно бороться... Тут должны быть применены меры строгости: например, удаление с пляжа, недопущение к купанию в общественных местах. Купающиеся должны организоваться, выработать правила, обязательные для всех. Помилуйте, за границей же купаются вместе сотни и тысячи людей, не только в костюмах, но бывает и без костюмов, и, однако никогда не приходится слышать о каких-либо скандалах на этой почве. С этим надо решительно бороться... Нам предстоит большая работа за новые формы жизни, без поповской елейности и ханжества скрытых развратников».

На полном серьёзе, я читал, что шалуны-нудисты в Казантипе и Коктебеле, ещё в советское время, разыскав эти строчки, объявили их манифестом любителей ровного загара и укрывались им от «нездорового любопытства», как «железным» фиговым листом.

По части купания сделались мы настоящими европейцами, на озёрах не протолкнуться, а вот по части уважения...

Владимир Дмитриевич продолжает: «Недолго пришлось воспользоваться Владимиру Ильичу спокойствием и отдыхом. Часов в шесть

утра 4(17) июля в окно моей комнаты кто-то постучал. Взглянув, я увидел нашего партийного товарища М.А. Савельева.

– Что случилось?

– В Питере восстание, – ответил он.

Владимир Дмитриевич присвистнул, а Владимир Ильич быстро собрался и пешком рванул на станцию, навсегда оставив гостеприимные Мустамяки.

Но история на этом не заканчивается.

Шестого июля Бонч-Бруевич решил поехать в Петроград, дабы разузнать обо всех делах. «В седьмом часу утра я выехал на станцию вместе с Верой Михайловной. В деревне Нейвола я заметил бежавшего к нам на встречу вооруженного винтовкой юнкера. Он подскочил к моему извозчику и вспрыгнул на подножку.

– Скажите, как нам пройти к Бонч-Бруевичу?

– А зачем вам?

– Нам приказано обыскать его дачу...

– Я – Бонч-Бруевич, – ответил я ему.

В это время к нам подбежала целая ватага юнкеров. За ними из извозчике везли пулемёт, далее шествовали в пешем строю казаки (Какой знакомый бардак!)

Нашу лошадь повернули, и мы двинулись назад.

Завидев наш дом, юнкера бросились рассыльным строем и окружили дачу кольцом, защёлкали затворами винтовок и залегли, точно ожидая нападения.

Вот храброе воинство, – посмеивался я над ними, – увидели пустую дачу и сейчас же в кусты...

– Мы не позволим, чтобы вы над нами издевались!..

– Кто вы такие? – резко спросил я его. – Ваши мандаты? Что вам угодно?

– Мы... мы... юнкера..

– Ваши мандаты!..

– Но у нас нет мандатов, – сказал по-французски один юнкер другому.

– Как же вы смели явиться сюда без мандатов? – по-французски же и очень резко ответила им Вера Михайловна. – Не забываете, вы не в России, а в Финляндии.

Юнкера сразу подтянулись.

— Но нам велено арестовать известного шпиона Ленина, который, как нам сказали, проживает у вас...

— Что? — закричала на них, надевая пенсне и наступая, как бы решаясь вступить с ними в бой, Вера Михайловна. — Как вы смеете, мальчишки, называть так нашего лучшего друга? Вон отсюда!..

— Но, мадам, мы обязаны...

— Вон отсюда!.. — и она повелительно показала им на калитку.

Юнкера стали выходить на улицу...».

И мы пойдем... Пора искупаться.

О бедном Демьяне замолвите слово

*Собес, труды твои бесплодны,
Какой неслыханный позор:
Герой труда — поэт народный.
Остался бедным до сих пор.*

С.Я. Маршак

*Написано в «Чукоккалу» в связи с тем,
что сочинения Д. Бедного издаются
в количестве 10.000.000 экземпляров.*

Каков был гигант! Колосс, собравший всю русскую литературу «одемянить», но споткнулся и ушёл в небытие и забвение, как и было сказано.

Не стоило бы и нарушать забвения, но поэт «ценою своих проб и ошибок показавший, что надо делать и чего не следует допускать царедворцу-блюдолизу» жил в Мустамьяках — надо. *Noblesse oblige* — положение обязывает.

Родился Ефим Алексеевич Придворов в семье крестьянина 1 апреля 1883 года, в селе Губовка Херсонской губернии. В 1896–1900 учился в военно-фельдшерской школе, в 1904–1908 — на филологическом факультете Петербургского университета. Своей карьере был обязан великому князю Константину Константиновичу, поэту, президенту Академии наук и большому ценителю и любителю красивых юношей, который помог Ефиму Придворову после отбытия фельдшером положенного срока службы поступить в Петербургский университет.

Демьян Бедный. 1917 г.

Демьян Бедный отпросился с фронта в отпуск. Подъезжая к Петрограду, заметил слежку. Захватив в квартире кое-какие письма, помчался в Финляндию. Как ни крутился на извозчике, филёры не отставали. Сел «на ура» в выборгский поезд. Был в военной форме с двумя чемоданами в руках. В Мустамьяках глядь: тот же сыщик. Испугался, что обыск будет на даче. Дал финну-извозчику трёхкратную плату. Хорошая шведская лошадка, понукаемая ошалелым от радости финном, летела стрелой. Поэт – опрометью к даче. С женой

Первые стихи вышли в свет в 1899-м.¹² С 1912 года публиковался в «Правде». Гонорары в дореволюционных газетах были такими что, в начале десятых годов прошлого века «бедный» студент купил себе небольшую дачку в Мустамьяках.

Во время Первой мировой войны (с 1914-го по 1915 год) Демьян Бедный служил в армии. Вполне возможно, что это спасло его от крупных неприятностей как раз в это время редакция «Правды» была разгромлена, многие ее сотрудники арестованы.

Рассказывают: в 1915 году

¹² Любопытен приезд Е. Придворова в столицу ранней осенью 1904 г.: с Николаевского вокзала вышел крепкий детина в порыжелом пальто с отцовского плеча, с гошим чемоданчиком, но в новенькой студенческой фуражке и с тросточкой в руке. На Знаменской площади у Николаевского вокзала памятника Александру III еще не было тогда, а стояла деревянная ограда с выразительной надписью: «останавливаться воспрещается», и возле внушительный городовой на посту. Робко и нерешительно студент подошел к городовому и вежливо обратился к нему: «Господин полицейский, можно по Петербургу гулять с тросточкой?». Городовой был озадачен: «Почему же нельзя?» — «Да ведь тут царь живет...» Усы служаки грозно зашевелились. В странной наивности приезжего студента ему почуялась скрытая крамола, и в округленных глазах его мелькнуло что-то такое, что заставило испуганного студента немедленно наострить лыжи.

— Верой Руфовой стал жечь письма. Сам-то писал он жене не реже одного раза в два дня.

В письмах описывал всё, что видел, «сочным пером прекрасного беллетриста». Некоторые письма напоминали рассказы. Среди них проходили одни и те же герои. Бытописал и нравописал, то есть о быте и нравах, равно как и об обычаях тех мест, где они проходили. Особенно подчёркивал ту муштру, отношение к солдатам, которое имелось у раздосадованных отступлением царских офицеров.

Потом распаковал другой чемодан, отыскал две толстые тетради и сказал: «Вот дневник, за который меня, наверно, повесили бы», — также бросил в огонь и задумчиво пошевелил все эти обуглившиеся листочки маленькой финской кочергой.

Когда всё сгорело, он велел весь пепел сейчас же вынести и закопать в землю и заявил, что теперь он спокоен, пускай придут — он чист, а то его, наверно, засадили бы в тюрьму и присудили к смертной казни.

Он спокойно прожил в Мустамьяках около месяца, поехал на фронт, но вскоре в конце 1915 года или в начале 1916 года его освободили из-за болезни среднего уха. Приехав в Петроград, он поступил на службу в Центральный военно-промышленный комитет заведующим отделом отсрочек, через который «он очень много освободил наших товарищей, членов партии».

По воспоминаниям В.Д. Бонч-Бруевича, В.И. Ленин «замечательно чутко, близко и любовно относился к могучей музе Демьяна Бедного. Он характеризовал его произведения как весьма остроумные, прекрасно написанные, меткие, бьющие в цель».

Отношения между вождем и поэтом установились самые дружеские. «Голова что-то плохо варит, — жаловался Бедный в одном из писем. — Напишите мне два теплых слова о себе. Пришлите мне свой "патрет". Если Вы тоже лысый, то снимитесь, как я в шапке. У меня, впрочем, спереди еще ничего, а сзади плешь. "Изыдет плешь на голову твою за беззакония твои!" Не знаете ли Вы хорошего средства Господи, ну хоть что-нибудь выдумайте для меня хорошее! Хоть мазь для волос! А впрочем, "лыс конь — не увечье, плешивый молодец — не бесчестье". Глупые волосы, вот и все...».

Именно к нему, на дачу первым делом направился Владимир Ильич Ленин во время своего визита в Мустамьяки.

За двадцать дней до переворота, 5 октября 1917 года, газета «Правда» напечатала стихотворную повесть Демьяна Бедного «Про землю, про волю, про рабочую долю». Сам поэт жил в это время на даче в Мустамяках, но уже 11 ноября он получил от Дзержинского постоянный пропуск в Смольный.

Демьян Бедный переехал в 1918 году вместе с Советским правительством из Петрограда в Москву. В Кремле разместились Ленин, Бонч-Бруевич, Сталин, Ольминский, Свердлов, Курский, Ворошилов и наш шустрый герой.

После отделения Финляндии от России, семья поэта оставалась в Мустамяках, отрезанной от России. Скоро жене, правда, удалось бежать, но детей пришлось выменивать позже на пленных финских офицеров.

В годы Гражданской войны Д. Бедный вёл агитационную работу в Красной Армии, за что награждён в 1923 году орденом Красного Знамени. В сопроводительной грамоте Президиума ВЦИК подчеркивалось, что произведения поэта «простые и понятные каждому, а потому и необыкновенно сильные, зажигали революционным огнем сердца трудящихся и укрепляли бодрость духа в труднейшие минуты борьбы». В те годы популярность Демьяна Бедного была невероятной. Во время внутрипартийной борьбы 1926—1930 годов активно и последовательно отстаивал линию Сталина, за что получил власть, славу, различные жизненные блага, включая квартиру в Кремле, собственный салон-вагон и регулярные приглашения на встречи с партийным руководством, собрал одну из крупнейших частных библиотек (свыше тридцати тысяч томов). Экземпляр каждой книги, вышедшей в СССР, обязательно попадал в личную библиотеку Д. Бедного. Выходило полное собрание сочинений. В 1925—2005 годах имя Демьяна Бедного носил город Спасск в Пензенской области (Беднодемьяновск).

И даже Мастер удостоил чести стихотворца, по Воландовски расчленив литературного гиганта и наделив чертами Ефима Александровича сразу двух персонажей на «Б» Бездомного и Берлиоза.

В 1925 году начало выходить полное собрание сочинений (прервано на девятнадцатом (!) томе). Список тем, над которыми работал поэт многие годы, указал он сам: «...О хлебозаготовках, о подпольных антипартийных листовках, о борьбе за культуру, о пьяницах, пьющих все, даже политуру, о поповском дурмане, о нэпманском кармане. О

торговом секторе, о фининспекторе, о госплане, об индустриализации, о московской канализации, о косности мужика, о твердом знаке, о коверканье русского языка, о языколомном «кромекаке», об автомобилях и о волах, о китайских делах, о Чемберлене и ему подобных, о русских белогвардейцах злобных».

*Я шел иной, чем он, тропой.
Отличный от него по родовому корню,
Скотов, которых он гонял на водопаи,
Я отправлял на живодерню.*

Этого ему было мало, и он решил критикнуть весь русский народ «в общем и целом». Живо интересовавшийся литературой Сталин, прочитав фельетоны «Слезай с печки» и «Без пощады» гневно написал поэту.

«...А Вы? Стали возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения, что нынешняя Россия представляет сплошную "Перерву", что "лень" и стремление "сидеть на печке" является чуть ли не национальной чертой русских вообще, а значит и – русских рабочих, которые, проделав Октябрьскую революцию, конечно, не перестали быть русскими. И это называется у Вас большевистской критикой! Нет, высокочтимый т. Демьян, это не большевистская критика, а клевета на наш народ, развенчание СССР, развенчание пролетариата СССР, развенчание русского пролетариата.

И Вы хотите после этого, чтобы ЦК молчал! За кого Вы принимаете наш ЦК?

И Вы хотите, чтобы я молчал из-за того, что Вы, оказывается, питаете ко мне "биографическую нежность"! Как Вы наивны и до чего Вы мало знаете большевиков...».

В 1936 году беспощадной критике подверглось либретто оперы Демьяна Бедного «Богатыри».¹³ Спектакль незамедлительно был снят с показа и запрещен. В квартире замолчал телефон, редакции не просили больше ни стихов, ни статей, имя поэта исчезло из учебных программ. Свою огромную личную библиотеку (памятуя, наверное, о судьбе репрессированных коллег) Бедный передал Литературно-

¹³ Досталось и постановщику спектакля А.Я. Таирову, руководителю Камерного театра.

му музею, на жизнь зарабатывал писанием текстов для цирковых программ. Летом 1938 года его исключили из партии.

«Демьян Бедный умер от страха, — пишет В. Гордеева. — У него в президиумах было постоянное место, куда он и шел привычно. И вдруг в сорок пятом что-то изменилось. Только, было, направился поэт на свое обычное место во время очередного торжества, как Молотов, недобро сверкнув стеклышками пенсне, спросил его ледяным голосом: "Куда?" Демьян долго пятился, как гейша. Потом доплелся до дома и умер».¹⁴

- Вышла на Главную рожа суконная!
- Высыпала им жандармерия конная!
- Славно работали тоже донцы!
- Видели лозунги?
- Да, ядовитые!
- Чернь отступала, заметьте, грозя.
- Правда ль, что есть среди рабочих убитые
- Жертвы... Без жертв, моя прелесть, нельзя!..

Д. Бедный. Главная улица

¹⁴ В 1963 г. вышло 8-томное собрание сочинений Д. Бедного. Во вступительной статье, написанной А.А. Сурковым говорилось: «В годы расцвета культа личности Сталина Демьяну Бедному не везло у критики. Она обращалась к его творчеству главным образом тогда, когда надо было уличить поэта в имевших место некоторых слабостях и ошибках исторического видения (кстати, сильно преувеличенных). К стыду нашему, до сих пор почти не существует серьезных литературоведческих исследований, анализирующих богатое наследие поэта. Но, несмотря на косность критики, несмотря на несправедливые гонения, которым подвергался Демьян Бедный в период культа, стихи его живут в сердцах миллионов читателей. Его славная традиция боевого партийного запевалы оплодотворяла и оплодотворяет творчество лучшей части русских и национальных поэтов Советского Союза».

Открытая дверь

«Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с парохода современности. Всем этим Максимам Горьким, Куприным, Блокам, Сологубам, Ремизовым, Аверченкам, Черным, Кузьминым, Буниным и проч. и проч. нужна лишь дача на реке. Такую награду дает судьба портным».¹⁵

Маяковский. Манифест русских кубо-футуристов.

В половине шестого с северо-востока, со стороны деревни Сюкияля, в Неуволу вошел молодой человек лет двадцати двух. За ним, увязавшись, бежала, то забегая вперед, то отставая, небольшая рыжая собачка местной породы, выгрызая на ходу блох. Молодой человек сильно волновался, думая о предстоящей встрече. По мере приближения, душевное волнение усиливалось, мысли возникали, роились, путались и, не получая развития, отлетали.

По русской литературной традиции, установленной Пушкиным и Державиным – литературный патриарх благословляет идущее на смену молодое дарование. В своё время под благословение Льва Толстого водили Лёшу Пешкова – будущего мэтра, классика и основоположника соцреализма Максима Горького. Рассчитывая на нечто подобное в отношении себя, к нему-то и направлялся литературный недоросль Володя Маяковский.

Неизменный участник клубных скандалов в компании «сукиных сынов и шутов балаганных», молодой поэт, напечатав два стихотворения и вышеупомянутый манифест, дебютировал в альманахе «Пощечина общественному вкусу», потом самостоятельно выпустил сборник «Я» (цикл из четырех стихотворений), написанный от руки, и размноженный литографическим способом в количестве 300 экземпляров.

¹⁵ Сологуб вместо Соллогуб (имеется в виду Фёдор Львович Соллогуб), Кузьмин вместо Кузмин – сознательные «копечатки неуважения» авторов манифеста.

В.В. Маяковский. Фото 1913 года.

неординарность и темперамент он, не любивший всякого рода эгоцентрического кривлянья, весьма снисходительно отнесся к молодому поэту. «Маяковский хулиган, – говорил он. – Хулиган от застенчивости... Он болезненно чуток, самолюбив и потому хочет прикрыться своими дикими выходками». И ещё: «Он молод, ему всего 20 лет, он криклив, необуздан, но у него, несомненно, где-то под спудом есть дарование. Ему надо работать, надо учиться, и он будет писать хорошие, настоящие стихи. Я читал его книжку стихов. Какое-то меня остановило. Оно написано настоящими словами».

Горький, отвергая футуризм как литературное течение, все-таки выражал симпатии к поэтам-футуристам. И его фраза «в них что-то есть!», сказанная после выступления футуристов в кафе «Бродячая собака», стала подлинной сенсацией. На вечере поэты читали стихи, и шло обсуждение, и вот в ходе обсуждения, уже почти в конце его, выступил Горький, который произнес короткую речь о «молодом» в жизни, о ценности этого «молодого» и значении «активности». Вот

Более ни чем иным молодой человек известен не был.

Горького Маяковский впервые увидел год назад на частной квартире, где тот собирался сделать доклад о футуризме. Собралось человек тридцать друзей и знакомых. Привыкший к большой аудитории, в которой всегда есть оппоненты, и, стало быть, надо с кем-то спорить, кого-то громить, на этот раз он не нашел нужного тона. «Громящие» фразы оказались неуместными. Маяковский растерялся и в смущении убежал.

Горький же отметил эту застенчивость. Увидев в Маяковском творческую

эту «молодость» и «активность» в исканиях футуристов и поддержал Горький.

Это-то и сподвигнуло молодого поэта бросить репинский «выпас» и на утреннем поезде отправиться в Мустамяки. Пройдя деревней вдоль каменного забора и отбившись, наконец, от назойливой собачки, Маяковский ступил на аллею, ведущую к горьковской даче.

Проснувшийся от тяжелого сна и обдумывая планы на день, не ожидавший никаких визитов, классик, привычно поглядел в окно. И вот те, здрасте!

Позже, уже зрелый, но продолжавший автоматом ёрничать, Маяковский опишет знаменитую встречу в автобиографии:

«Май. Выиграл 65 рублей. Уехал в Финляндию. Куоккала.

Семизнакомая система (семипольная). Установил семь обедающих знакомств.

В воскресенье «ем» Чуковский, понедельник Евреинова и т.д.

В четверг было хуже – ем репинские травки. Для футуриста ростом в сажень – это не дело.

Вчера шатался пляжем. Пишу «Облако». Выкрепло сознание близкой революции.

Поехал в Мустамяки. М. Горький. Читал ему части «Облака».

Расчувствовавшийся Горький оплакал мне весь жилет. Расстроил стихами. Я чуть загордился. Скоро выяснилось, что Горький рыдает на каждом поэтическом жилете.

Всё же жилет храню. Могу кому-нибудь уступить для провинциального музея.

65 рублей прошли легко и без боли».

Подробнее, описывает эту встречу жена писателя Мария Фёдоровна Андреева, перенося время действия на осень 1914 года:

«Ко мне пришла снизу служащая и сказала: «Мария Федоровна, там пришёл какой-то длинный, очень длинный человек и хочет видеть непременно Алексея Максимовича. Что ему сказать? Говорю ей: «А вы подождите, я сначала посмотрю сама и скажу.» Пошла к Алексею Максимовичу. Он работал. Я не стала его тревожить, у него всегда было обыкновение работать до часу, до половины второго.

Жили мы в большом деревянном доме, в верхнем этаже, а низ почти целиком занимала огромная комната, она же гостиная, она же столовая. В дальней части этой комнаты действительно стоял какой-то очень высокий человек, молодой, довольно красивый. Показался

он мне на кого-то похожим, а кто такой сразу не вспомнила, Подошла к нему и говорит:

– Здравствуйте! Алексей Максимович не может сейчас с вами разговаривать. Вы, что к нему по делу приехали?»

По обыкновению застеснявшись, но всегда готовый к скандалу молодой поэт взвыл:

– Матушка!

– Никакая я вам не матушка!

Маяковский ещё больше смутился и, обдумывая, что бы ещё отмочить, брякнул.

– Не знаю, как вам сказать. Должно быть, по делу. А, в общем, мне просто его видеть хочется.

– Чудесно! Так вот и подождите.

У нас стоял ещё утренний завтрак на столе. Спрашиваю:

– Вы кофе хотите? Или может быть чаю?

– Да, не откажусь.

– Вот и хорошо. Вы посидите, я пойду скажу, что бы подогрели.

– А вы не боитесь, что я у вас серебряные ложки украду?»

Великая драматическая актриса обернулась и, держа паузу, поглядела на шалуна взглядом, от которого, ежась, становился «в фрунт» жандармский генерал Джунковский. А потом, как оплеуху влепила.

« – Нет у нас серебряных ложек! Болван!

– Пришла, принесла кофе, пододвинула хлеб, ветчину, что там ещё было, прошу:

– Угощайтесь, пожалуйста! Потом спросила:

– А вы не Маяковский?» Более смущаться и дерзить Мальвине поэт не решился.

« – Маяковский. Я... Я...»

Накормив голодного визитёра так, что он с трудом вылез из-за хрупкого дачного столика, хозяйка, исключив всякие возражения, погнала его в лес, по грибы. Помотавшись по мустамякским болотам несколько часов с хорошо натренированной Марией Фёдоровной, будетлянин «сдох» и замученный «лапками вверх» повалился на влажный мох.

«С него слезла вся эта шелуха, – продолжает свои воспоминания Андреева, – он стал рассказывать, как был он маленьким, как жил на Кавказе. Потом он стал рассказывать про свои стихи, читал их

вслух, и совсем не такие, какие читала я. Помню, мне очень понравилось одно, оно начиналось так:

*Послушайте!
Ведь если звёзды зажигают –
Значит это кому-нибудь нужно...*

Голос у него хороший был, читал он, как хороший актёр.

За обедом, говорил больше Алексей Максимович, а Маяковский больше слушал, и по тому, как он смотрел на Алексея Максимовича, и по тому, как Алексей Максимович на него посматривал, я твердо знала, что мое предположение о том, что они друг в друга влюбятся, правильно, – весьма ближайшее будущее показало, что это так и было. Алексей Максимович сильно увлекся Владимиром Владимировичем, а Владимир Владимирович, несомненно, чувствовал то, что большинство настоящих талантливых людей по отношению к Алексею Максимовичу – огромное уважение и благодарность.

Такова была первая встреча Алексея Максимовича с Маяковским. Помню, Маяковский несколько раз приезжал к нам в Мустамяки.

Эта фраза и объясняет несоответствие у авторов даты визита.

Горький, вспоминая о встрече в Мустамяках, писал И. Груздеву, что Маяковский читал «Облако в штанах», поэму «Флейта-позвоночник», лирические стихи. «Стихи очень понравились мне, и читал он отлично...».

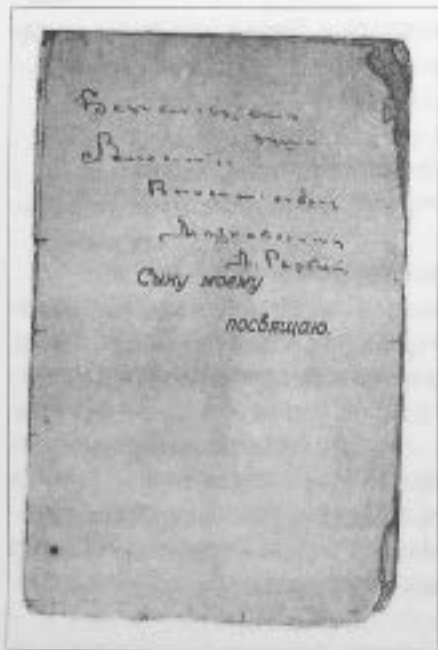
Желчный Иван Бунин добавляет:

«Большим поэтом» окрестил его, кажется, раньше всех Горький: пригласил его к себе на дачу в Мустамяки, чтобы он прочитал у него в небольшом, но весьма избранном обществе свою поэму «Флейта-Позвоночник», и когда Маяковский кончил эту поэму, со слезами пожал ему руку:

– Здорово, сильно... Большой поэт!»

Алексей Максимович предложил Маяковскому печататься у него в журнале «Летопись». Издательство «Парус», где Горький был главным редактором – сразу выпустило первый сборник стихов Маяковского «Простое, как мычание».

Вот так в Мустамяках молодому поэту распахнулась дверь в большую литературу.

Надпись на книге «Детство», подаренной Горьким Маяковскому

продолжает печататься и участвовать в публичных выступлениях.

Взаимная симпатия перерастает в дружбу. Горький дарил Маяковскому книгу «Детство» с надписью: «Без слов, от души, Владимиру Владимировичу Маяковскому М. Горький». Несколько позже был сделан ответный подарок на отдельном издании книги «Облако в штанах»: «Алексею Максимовичу с любовью»; на поэме «Флейта-позвоночник»: «Алексею Максимовичу с нежной любовью – Маяковский».

Великая дружба закончилась недоразумением, едва не перешедшим в драку.

Как-то зимой девятнадцатого года известный авантюрист и литератор В. Шкловский нашептал гражданке Брик, будто бы Горький весьма неблагоприятно охарактеризовал многотрудную сексуальную жизнь пролетарского поэта. «Рятуйте, граждане!», и Брик стремительно понеслась по частным лицам и организациям, раскручивая скандал и ища защиты и управы.

Оббежав пол-Москвы, отчаянная сек-правозащитница, заявила к классику, требуя объяснений. Горький ответил, характерно окнув в

первом слове: «Пошла», и указал ей на дверь. Брик рванула по начальству. Далее дословно: «Я рассказала эту историю Луначарскому и просила передать Горькому, что он не бит Маяковским только благодаря своей старости и болезни».

Забавно представить Пушкина бьющего старика Державина.

*Алексей Максимович,
как помню,
между нами
что-то вышло
вроде драки
или ссоры.
Я ушел,
блестя
потертými штанами...*

Шарф Коломбины

Собираясь рассказывать об очередном мустамяжском дачнике, я наткнулся на историю необычным образом связавшую его с только что блеснувшим «потёртыми штанами» Владимиром Владимировичем. Чего общего между поэтом Маяковским и художником Шухаевым? Правильно – женщина. Но не всё так просто.

Оказавшись осенью 1928 года в Париже, Маяковский знакомится с девушкой, вывезенной заботливым дядей во Францию из России.

«Двадцатидвухлетняя, красивая, высокая, длинноногая, с выразительными глазами и яркими светящимися желтыми волосами, пловчиха и теннисистка, она, фатально неотразимая, обращала на себя внимание многих молодых и немолодых людей своего круга».

Вспоминает Эльза Тироле сестра Лилии Брик. «Я познакомилась с Татьяной перед самым приездом Маяковского в Париж и сказала ей: "Да вы под рост Маяковскому". Так, из-за этого "под рост", для смеха, я и познакомила Володю с Татьяной. Маяковский же с первого взгляда в нее жестоко влюбился».

Завязывается стремительный роман. Маяковский забывает Брик, безумствует, пишет «Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви» и вот это:

собакам
 озверевшей страсти.
Ты одна мне
 растом вровень,
стань же рядом
 с бровью брови,
дай
 про этот
 важный вечер
рассказать
 по-человечьи.
Пять часов,
 и с этих пор
стих
 людей
 дремучий бор,
вымер
 город заселенный,
слышу лишь
 свистачный спор
поезда до Барселоны.
В черном небе
 молний поступь,
гром
 ругней
 в небесной драме, —
не гроза,
 а это
 просто
ревность двигает горами.
Глупых слов
 не верь сырью,
не путайся
 этой тряски, —
я взнуздаю,
 я смирю
чувства
 отпрысков дворянских.

Страсти корь
сойдет коростой,
но радость
неиссыхаемая,
буду долго,
буду просто
разговаривать стихами я.
Ревность,
жены,
слезы...
ну их! -
вспухнут веки,
впору Вию.
Я не сам,
а я
ревную
за Советскую Россию.
Видел
на плечах заплаты,
их
чахотка
лижет вздохом.
Что же,
мы не виноваты -
ста миллионам
было плохо.
Мы
теперь
к таким нежны -
спортом
выпрямишь не многих,-
вы и нам
в Москве нужны
не хватает
длинноногих.
Не тебе,
в снега
и в тиф

шедшей
этими ногами,
здесь
на лоски
выдать их
в ужины
с нефтяниками.
Ты не думай,
щурясь просто
из-под выпрямленных дуг.
Иди сюда,
иди на перекресток
моих больших
и неуклюжих рук.
Не хочешь?
Оставайся и зимуй,
и это
оскорбление
на общий счет нанижем.
Я все равно
тебя
когда-нибудь возьму –
одну
или вдвоем с Парижем.

1928

А что Татьяна?

«Мы виделись почти каждый день. Он ухаживал за мной так, как никогда никто не ухаживал. Цветы, разговоры о поэзии, стояние под снегом. Он меня безумно ревновал... Мои родные не понимали степень близости наших отношений. Я никогда никому не рассказывала об интимной стороне наших отношений. Это только мне принадлежит... Маяковский мне нравился. И как мужчина, и как поэт, которого я всегда знала и любила».

Любила и хотела, но обратно в Москву, никак не собиралась. Роман не получил дальнейшего развития. Маяковский из весёлого Парижа

Тройной портрет. Александр Яковлев, Василий и Вера Шухаевы.

вернулся в холодную осеннюю Москву, где его ждали товарищ Костров, гражданка Брик и револьвер.

«Это была замечательная пара. Маяковский очень красивый, большой. Таня тоже красавица – высокая, стройная под стать ему. Маяковский производил впечатление тихого, влюбленного. Она восхищалась и явно любовалась им, гордилась его талантом. У нас сложилось впечатление, что дю Плесси¹⁵ Таня не любила, а с Маяковским у нее была настоящая любовь, и нам казалось, что они созданы друг для друга. Когда мы узнали о трагической смерти Владимира Владимировича, мы с сожалением и горечью подумали о том, что, будь они вместе – этого бы не случилось». Это написали близко наблюдавшие парочку, художники Вера Федоровна и Василий Иванович Шухаевы, о которых я и собирался рассказывать в начале этой главы, а любящим дядей Татьяны был Александр Евгеньевич Яковлев¹⁷ известный художник, замечательный человек и друг Василия Ивановича.

¹⁵ Бертран де Плесси, муж Татьяны, организатор первой эскадрильи Свободных французских военно-воздушных сил Ш. де Голля.

¹⁷ Отец Александра Яковлева Евгений Александрович (1857–1898) – лейтенант флота, создатель первого в России двигателя внутреннего сгорания на жидком топливе, но уступавшие по ряду характеристик двигателям Р. Дизеля, основатель и владелец завода газовых и керосиновых двигателей.

Василий Иванович Шухаев родился в 1887 году в семье сапожника, рано осиротел. Однако сумел поступить в Строгановское училище в Москве, занимаясь под руководством К.А. Коровина. Затем продолжил образование в Петербургской Академии Художеств, где учился его ровесник Александр Яковлев.

Став неразлучными друзьями, Шухаев и Яковлев и в искусстве стали единомышленниками. Оба посещали класс Д.Н. Кардовского, талантливого педагога, учившего студентов мастерству рисунка и прививавшего им интерес к строгой палитре старых мастеров.

Вместе они основали «Цех святого Луки» – союз художников, ра-

товавших за возрождение традиций и живописной техники старых мастеров. В их творчестве в полной мере нашло отражение новое для тех лет направление – неоклассицизм.

В 1913 году Шухаев уехал в Италию как пенсионер «Русского общества в Риме». Вскоре к нему присоединился Яковлев. В Италии художники изучали работы старых мастеров, много рисовали с натуры. К числу программных произведений относится их двойной автопортрет, названный «Арлекин (Яковлев) и Пьеро (Шухаев)».

Идея этого автопортрета возникла у них под впечатлением от спектакля В.Э. Мейерхольда «Шарф Коломбины», поставленного в 1911 году в «Доме интермедий» в Петербурге; оба художника принимали участие в постановке. Точный академический рисунок, гладкая живопись, нарочито симметричная композиция этого полотна были своеобразной реакцией на эксперименты и новшества, отличавшие искусство тех лет. Яковлев закончил свою часть автопортрета еще в Италии, а работа Шухаева затянулась на долгие годы и была окончательно завершена лишь в 1962-м, через четверть века после кончины соавтора и друга.

Революция застала Александра Яковлева во Франции, а Василий Шухаев оказался в центре революционных событий в Петрограде.

*Двойной портрет Шухаев,
Яковлев*

В августе 1919-го Шухаев женился на художнице Вере Федоровне Гвоздевой. В январе 1920 года вместе с женой и художниками И.Д. Пуни и К.Л. Богуславской Шухаев по льду Финского залива перешел границу с Финляндией, несколько месяцев провел в Мустамяках; писал пейзажи, портреты, сюжетные картины, и с нетерпением ожидал французской визы, открывавшей ему дорогу в Париж. В письме Игорю Мямлину, исследователю его творчества, Шухаев писал: «В 1920 году мы очутились в Финляндии и, узнав, что Яковлев в Париже, мы немедленно с ним списались. Он принялся за хлопоты для нас визы во Францию».

В 1921 году Шухаев был уже в Париже и воссоединился со своим другом Яковлевым. Он поселился на Монпарнасе и влился в творческую жизнь столицы русской эмиграции. Финскую серию картин художник показал публике в том же году, приняв участие в выставке русских художников, организованной объединением «Мир искусства» в галерее Ла Боези на Елисейских полях.

Шухаев открыл школу живописи и рисования, не оставляя и собственных занятий искусством: он создал портреты А.Е. Яковлева (1927), С.С. Прокофьева (1932), Ф.И. Шаляпина (1934) и других известных личностей, оформлял спектакли, писал натюрморты, жанровые картины, пейзажи.

В феврале 1935 года Шухаев вернулся на родину. Жил в Ленинграде и Москве. Однако вскоре его постигла участь многих бывших эмигрантов: в апреле 1937-го его арестовали по обвинению в шпионаже и приговорили к восьми годам исправительно-трудовых лагерей. Этапирован во Владивосток, а оттуда – на Колыму. Работал художником в Магаданском областном музыкально-драматическом театре. Был освобожден из лагеря весной 1945-го «по отбытии срока наказания» без права проживания в 16 городах страны. В 1947 году поселился в Тбилиси, стал профессором Тбилисской Академии Художеств. В 1962-м прошла первая на родине персональная выставка художника. Скончался Василий Иванович Шухаев в 1973 году.

А как сложилась судьба Татьяны Яковлевой? Её муж, летчик Бертран де Плесси погиб, в июле 1941 года, когда его самолет был сбит над Средиземным морем. Позднее Татьяна вышла замуж вторично, переехала в США и долгий остаток жизни прожила счастливо. Умерла Т.А. Яковлева-Либерман в 1991 году.

Крыши

По мнению специалистов, исследователей творчества Шухаева: «Серия произведений, выполненных в Финляндии, была создана под влиянием эмоциональных переживаний покинувшего родину художника, что интереснейшим образом повлияло на его живописную манеру. Работы, созданные в Финляндии отличаются от ранних произведений мастера своей строгостью в разработке деталей и примитивистской, почти наивной трактовкой формы. Его персонажи напоминают крестьянскую серию Н.С. Гончаровой и, в то же время вызывают в памяти работы фламандца Питера Брейгеля».

В своей монографии, посвященной мастеру, И.Г. Мямлин подчеркнул драматический, почти театральный настрой пейзажа «Финская деревня. Крыши»: «Он построен как фрагмент ясно сконструированной театральной декорации – с колючими островерхими домами, с острыми углами крыш. На крыльце баба выплескивает из таза воду, силуэтом на первом плане показан идущий в черную баню мужик.

Строгая окраяная цветовая гамма, угловатые очертания предметов, колючие формы голых деревьев, тянущих ветви к бледному серому небу, и острые крыши изб составляют основу композиционно-колористического решения картины «Финская деревня. Крыши».

Искусствовед Н.А. Элизбарашвили в книге «Проблемы пейзажной и портретной живописи В.И. Шухаева» пишет: «Пейзаж как самостоятельный жанр впервые появился в творчестве Шухаева во время его десятимесячного пребывания в Финляндии в 1920 г. Дошедшие до нас произведения и фотографии с тех работ, местонахождение которых неизвестно, говорят скорее о преобладании в этих пейзажах черт воображаемых, а не натуральных, хотя натура для художника всегда была определяющей основой творчества». Эту натуру и

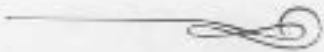

В.И. Шухаев. Колодец. 1920

попытался я поискать, помятуя, что в Мустамьяках Шухаевы жили у П.Ф. Линде.¹⁸

Картина «Колодец». Весна. Деревья голые. Солнце на юге. Декоративные, похожие на извержение вулкана на старых гравюрах, облака. Художник смотрит с востока на запад. Единственный «журавль» в деревне стоял у дома Слязя в районе фермы, но он мог быть поставлен позже, нашими ленивыми соотечественниками. Финны таких колодцев не строят, не навешивают ставень, не ставят бессмысленных

¹⁸ Полина Фелицановна Линде (1854–1924/1925, полька, урожд. Жанковская, потомок Т. Костюшко, муж – немец) владела в Мустамьяках небольшой усадьбой В.Ф. Шухаева вспоминала: «У Линде мы прожили около года. Перейдя границу, мы попали в карантин на 2 недели в Терийоках, на улице мы встретили Анночку (дочь П.Ф. Линде – Ред.). Денег не было. Линде приютили нас, расплатились мы с ними позднее». П.Ф. Линде осталась жить в своей усадьбе после 1918 г. Рано овдовевшая мать семерых детей благодаря своим деловым и человеческим качествам, а позднее поддержке старшей дочери Фредерикки, помогавшей содержать пансион, Линде сумела сохранить семью и дать образование детям. (Василий Шухаев. Жизнь и творчество. М. 2010).

воротец с завалившейся дверью и не сидят по завалинкам. Нелепое строение слева. Лубочные квадратные окна. Типична для финских домов только пристройка. На картине в неё мужик пытается загнать корову. Но пристройка не может быть хлевом. Финны ставят скотные дворы отдельно от домов. В других источниках эта картина датируется 1922 годом и называется «Провинция (русский пейзаж)».

Картина «Село. Финляндия» (3-я стр. обложки). Невозможно сориентироваться по частям света. Очень похожий, возможно тот же дом. Два окна с фасада, сбоку воротца. Бабы на завалинке, горизонт скрыт. Дом на вершине холма. Как-то, уж очень это всё по-русски.

Картина «Финляндия. Деревня» (3-я стр. обложки). Тут уже есть за что зацепиться. На полотне середина зимнего дня. Солнце на юге, тени падают на север за строения. Художник смотрит с запада на восток. Как и на всех других картинах – близкая линия горизонта холмистых Мустаяк. Сто метров ровной поверхности, затем следует спуск (видна только крыша дома) и домики уже на вершине другого холма. Пространство сжато, строения смещены. Деревья – стилизованные берёзы. На доме по центру просматривается вывеска «бакалея». Можно предположить, что это стоявший на холме и сгоревший в войну, магазин начала века, а вся картинка, ещё не заросший кустами, вид на Бойково с холма. Сейчас он выглядит так, если смотреть с точки, в которой стоит мужик с топором.

Знаменитые «Крыши» (2-я стр. обложки). Увидев эту картину впервые, сразу насторожился. Уж очень всё знакомо.

В деревне стоят четыре похожих дома, схожие по конструкции и размерам. Один в Бойкове, три других в Кирьявале на краю деревни, на хуторе. Дома, построенные, судя по состоянию и зарубке на стене в одном из них, в 1912 году, по-видимому, одной и той же платницкой артелью. Сейчас один из домов перестроен до неузнаваемости, три других незначительно перестроены, но сохраняют вид изначальный.

Проверяем по двум основным признакам: размерам и расположению относительно сторон света. Размер проверяем по среднему росту в 165 см женщины на крыльце. Подходят все три сохранившиеся дома.

Лето по цвету неба ближе к осени. Первая половина дня. Солнце – на юге, юго-востоке. В тени западная стена и фасад, обращённый на север. Так сориентированы на местности только два из четырёх

домов, но рядом с домом в Бойково никогда не было надворных построек. Остался один дом на хуторе, и я его очень хорошо знаю.

Разберёмся.

Если «Крыши», значит много крыш, но очень трудно впихнуть на холст так много. Василий Иванович сумел, снова сжав существующую картинку и кое-что хитро добавив. Художник смотрит с северо-востока на юго-запад. В сжатом пространстве «банька» приближена к дому, но это не банька, это – погреб, открытый на просушку. Крыша баньки правей. Слева внизу тени от стоящего рядом сарая. Наваливающееся сзади высокое строение, усиливающее общее «крышное» впечатление, неправдоподобно. Дом так стоять не может, он добавлен к существующей натуре. Что натолкнуло художника на мысль написать это нелепое сооружение и усилить «крышность»? Правильно – высокие деревья, стоящие позади первого дома. Всё очень похоже. Есть такой домик.

Реальные: размеры дома, положение относительно сторон света, надворные постройки, сложная, редко применяемая четырёхскатная кровля над крыльцом, слуховое окно над ним, наличники на первом окне и четыре продольные балки под крышей. Всё узнаваемо. Всё реально существует.

Совершенно не реальны: разные окна на фасаде, разные наличниками, нелепое сооружение над трубой и перетащенное под самую крышу слуховое окно на фасаде. Мужик стоит в тени ещё одной постройки – шестой по счёту на участке площадью в десять квадратных сажень. А высокая точка, с которой смотрит художник? Она где? На шестой крыше? Шесть строений на такой площади – маловероятно.

И как бы мне не хотелось иного, пожалуй, справедливо утверждение Нонны Анастасьевны Элизбаршвили о «преобладании в пейзажах черт воображаемых».

«Переставление» света

История заселения новыми обитателями ставших советскими Мустамяк была не веселей истории исхода из этих мест финнов. В Мустамяки, подчиняясь злой судьбе, почти полностью переселились жители села Ягорба Моложского уезда Ярославской губернии.

Переселились, принеся с собой привычный жизненный уклад, обычаи, характерный верхневолжский говор, отношения личные: любовь, дружбу, привязанности, вражду, обиды и остававшуюся до самой кончины тоску по утраченной родине.

Село Ягорба было старинным, принадлежало дворцовому ведомству – жители считались государственными крестьянами. Предки жили в этих местах со времён Чурилы Пленковича, в летописи осталось о них одно общее упоминание: «рать моложская прибежала на Куликово поле с опозданием, но порубиться успела славно».

Ягорба стояла на правом берегу реки Шексны (Шехони) по названию, которой и называлась вся округа – Пошехонье. Село вытянулось двумя улицами вдоль реки и насчитывало до 200 дворов. Над селом возвышалась окружённая разросшейся кладбищенской зеленью саврасовская церковь – пятиглавка, освященная в честь Воздвижения Животворящего Креста Господня. Рядом – школа и несколько лавок. За деревней овины, ветряная мельница, огороды, пашни и бесконечные заливные луга.

Главными сельскохозяйственными культурами Пошехонья были рожь, овес, лен, картофель – в процентном отношении соответственно составляли – 36, 30, 18 и 5 процентов, но урожайность их была невелика.

Главным богатством были сено и рыба. Сено являлось основной базой для развития животноводства. В уезде насчитывалось 27 тысяч единоличных хозяйств, у которых имелось 25 тысяч лошадей, 38 тысяч коров, до 15 тысяч овец.

На берегу реки Шексны. Фото С.М. Прокудина-Горского

Молоко сдавали на сыроварни, где сбивалось масло и вырабатывался сыр. Сыроварни и культурное маслоделие организовал здесь Н.В. Верещагин, старший брат знаменитого художника-баталиста.¹⁹ Он много лет обобщал опыт европейских маслоделов и перенес его в Россию. Будучи на одной из выставок в Париже, Верещагин уловил необыкновенный аромат выставленного там масла из Нормандии. Оно так понравилось ему, что он решил делать такое же. Секрет необычного масла заключался в том, что взбивали его не из холодных сливок, как это делали обычно, а из сливок, доведенных почти до кипения. Именно это придавало продукту волшебный ореховый аромат. Масло, которое стал производить Верещагин, оказалось даже вкуснее нормандского. Сам производитель назвал его парижским сладким, а иностранцы, охотно импортировавшие его из России, продавали это масло исключительно как «Петербургское». «Вологодским» масло стало называться в советское время. Теперь этот продукт не существует вообще, а Пошехонский сыр стряпают в Белоруссии.

¹⁹ Братья Верещагины Николай Васильевич и Василий Васильевич первоначальное образование получили в Александровском кадетском корпусе для малолетних в Царском селе.

На вырученные за молоко деньги, по первому санному пути (после дня Екатерины Санницы – 7 декабря по новому или 24 ноября по старому стилю) ездили в Рыбинск. Ездили за мукой, поскольку своего хлеба обычно хватало только до Рождества.

Рыба же была круглый год. Все ягорские жители поголовно были рыбаками. Добывали шекснинскую стерлядь, снетка, судаков, прочее серьёзной добычей не считали. Как-то, ещё до революции, дед Фёдор Боев поймал белугу весом на десять пудов. Для наблюдения этого чуда в сопровождении урядника был он препровожден в Рыбинск. Страж привязал белугу к корме, Федора посадил на вёсла, и для скорости погонял его ножами шашки. И нужна была деду Федору такая обсервация?

Крестьяне занимались и промыслами на дому. Наиболее распространенными были рубка и сплав леса, изготовление саней, плетение корзин и виц, сидка²⁰ смолы и дегтя, изготовление гвоздей, лемехов, бондарное дело, изготовление валяной обуви, овчинно-шубный промысел.

Революционные события обошли Ягорбу как-то стороной. Один мой дед ещё до начала революции вернулся с фронта раненым. Второй дед не стал лужгать семечки на митингах крепостной артиллерии Свеаборга, а убежал домой до начала кровавой финской бани. На гражданскую войну не пошли ни тот, ни другой. В Красную Армию загредел молодой дедов зять Василий Егорович Боев, ходивший с армией Фрунзе усмирять национальные окраины. И так было в большинстве семей. Война отбушевала где-то далеко, по городам и железным дорогам, не коснувшись пошехонской глуши. Советская власть мирно установилась, как во всемобщем масштабе, так и в одном конкретно взятом селе. Установилась, ну и ладно, особых перемен никто и не заметил. За землю никто не цеплялся, а заливные луга полностью выкосить, как не могли до революции, так не могли и после неё. Да и рыба никуда не ушла.

Как-то в электричке подсевшая старушка начала что-то рассказывать характерным говорком моей бабушки и, назвав крыльцо мостом, пропела:

– Кот – от-то хорооший. На мосту сидит, – подумалось, старуха-то – землячка. А когда вместо канонического «светопреставление» брякнула «переставление света», – подумал, и при том ближайшая. Старуха оказалась из Мяксы.

²⁰ Сухая перегонка.

Ягорские бабушки. 1960 год.

Бабушка говорила:

– С колхозов-то, милой сын, и началось переставление света.

Неприятности действительно начались с колхозов. В начале тридцатых годов в деревню зачастили уполномоченные, организовали из бездельников и горлопанов комбед, перессорили всех, силой заставили стащить барахло в кучу. Земляки, возбуждённые идеей обобществления баб, организовали сразу два колхоза «Память Ильича» – в селе и «Имени тов. Будённого» – за озером. Церковь закрыли, отца Николая посадили. Несколько семей раскулачили и сослали. Потом прочитали Сталинское «Головокружение от успехов», барахло быстро растащили по домам, надавав тычков невесткам, шибко желавшим обобществиться.

До большой крови дело опять не дошло. Не настал ещё черёд. Светлое будущее казалось где-то рядом. Но всё пошло по-иному. В жаркий и ветреный июньский день 1932 года случился в Ягорбе пожар, спаливший половину домов. Погорельцы кое-как отстроились, а беда навалилась уже на всё село.

В. Капустина вспоминает: «...Ту-ту-у-у-у, – на всю округу гудит "Информатор" это девятичасовой рейсовый пароход.

– Девчонки, а к нам приехали какие-то землемеры, – кричит Катя-ка Васильева, заглядывая в огород.

– Зачем?

– Говорят, что будут делать море.

– Где? Зачем? – снова спрашиваю я.

— Не знаю. Ой, пойду, посмотрю скорей.

Вот они первые люди, принесшие нам непонятную новость. На берегу лежали какие-то инструменты, шесты, треноги и прочие вещи. Мужчины и женщины хлопотали у лошади, которая должна была свезти их пожитки на квартиру к одинокой бабушке Александре, где будут они жить. Недобрая весть мгновенно облетела округу и не сходила у всех с уст. Как гром в ясный день — море!?

— Зачем? Откуда же возьмется вода? А как же деревья, песи все? А как же мы? Эти вопросы не выходили из головы.

— Все, все затопит вода?

— Да где же столько воды возьмется?

— Весной снег тает, и потекут ручьи в реки, а Волга и Шексна будут перегорожены плотинами. Вода вниз не потечет, будет заливать берега, поля, деревни, лес. Все затопит. А жители переедут жить в другое место и дома перевезут.

— Нет! Мы не хотим, у нас так красиво.

— А вас и не спросят. Выселят и все тут. Ох, вот напасть-то, — качает головой тетя Степанида.

— Что хотите делайте, а мы останемся здесь умирать.

— Вода пойдет, сами убежите.

У колодцев, на дневной дойке собирались женщины и вздыхали, охали, качали головой:

— Давайте Сталину писать, он поможет.

Из города приезжали домой мужчины, приносили весть, что Сталин сам велел быстрее начинать великую стройку. Весь мир удивится, какое мы рукотворное море сделаем. Электричество нужно стране.

Все лето работали землемеры, а осенью, закончив дела, уехали. "Баба с воза, коню легче", — говорили мужики. С их отъездом утихли и страсти. С глаз долой — из сердца вон.

Надо отметить, что население относилось к землемерам неприветливо. Старались отказывать им в продаже молока, сметаны, яиц, овощей и прочем. Жители деревни — народ дружный. Человека ценили за справедливость, честность, трудолюбие, чуткость. Землемеры нарушили привычный спокойный ритм жизни и им это не прощалось.

Снова размеренно, как прежде, зажила деревня. А в мае появились и сразу обеспокоили население большие отряды заключенных. Они шли по четыре человека длинной вереницей в сопровождении вооруженных охранников с овчарками».

1. Переселенческий билет является единственным документом, удостоверяющим право переселенца и его семьи на получение льготной, предельно возможной помощи.
2. Переселенческий билет не может служить удостоверением личности.
3. Подделка переселенческого билета или передача его другому лицу карается по закону.

Иванов
Иванов
11.12.1938

СССР
РЕСПУБЛИКАНСКАЯ УПРАВЛЕНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЙ БИЛЕТ

№ 113158

Выданный в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 12 августа 1931 г. № 115/204, 0 марта 1932 г. № 13/100, 0

Иванов Иван Иванович
1911 г.р.
Живет в д. Гаютино, с/пос. Брейтово, Рыбинский район, Ярославская обл.

Иванов Иван Иванович
1911 г.р.
Живет в д. Гаютино, с/пос. Брейтово, Рыбинский район, Ярославская обл.

Иванов Иван Иванович
1911 г.р.
Живет в д. Гаютино, с/пос. Брейтово, Рыбинский район, Ярославская обл.

Иванов Иван Иванович
1911 г.р.
Живет в д. Гаютино, с/пос. Брейтово, Рыбинский район, Ярославская обл.

Иванов Иван Иванович
1911 г.р.
Живет в д. Гаютино, с/пос. Брейтово, Рыбинский район, Ярославская обл.

Состав семьи переселенца

№ п/п	Имя, фамилия, отчество	Дата рождения	Дата выдачи билета	Примечание
1	Иванов Иван Иванович	1911	1938	
2	Иванов Иван Иванович	1911	1938	
3	Иванов Иван Иванович	1911	1938	
4	Иванов Иван Иванович	1911	1938	
5	Иванов Иван Иванович	1911	1938	
6	Иванов Иван Иванович	1911	1938	
7	Иванов Иван Иванович	1911	1938	
8	Иванов Иван Иванович	1911	1938	
9	Иванов Иван Иванович	1911	1938	
10	Иванов Иван Иванович	1911	1938	

Сведения о выбытии и прибытии переселенца.

Переселенец убыл из _____ ССР, АССР
 Ярославской обл. в район _____
 с/пос. Брейтово
 в населенный пункт _____
 № 11 _____

Переселенец прибыл из _____ ССР, АССР
 Ярославской обл. из района _____
 в населенный пункт _____
 № 11 _____

Переселенческий билет С.М. Тимонино

Началось строительство Рыбинской ГЭС. Жителям Пошехонья, ставшего дном водохранилища, предложили переселяться. Шустрые колхозники – буденовцы, ещё в 1938 году переселились в Сазонково, кто-то переехал в Гаютино и Брейтово.

Б.С. Лезнов встретил земляка, бакенщика, который рассказал, что его дед разобрал избу, сделал плот и на нём сплавился до Ярославля, вытащил его в деревне Парково (левый берег Волги, напротив Ярославля), поставил опять избу, остались там жить.

Но большинство решило переселяться вместе, централизованно. Власти предложили на выбор Алтай или только что отвоёванный Карельский перешеек. Выборные съездили, посмотрели – вроде понравилось, и земляки, на свою беду, выбрали Финляндию. Весной 1940 года первыми в Мустамяки отправилась ягорская молодёжь. Засеяли поля, посадили картошку, подготовили жильё. Осенью в Финляндию тронулась вся Ягорба.

В.Н. Платонова пишет: «Тяжело было уезжать из Ягорбы, оставлять родные места и ехать в неизвестность. Когда жители Ягорбы отъезжали на баржах по Шексне, плач был слышен на несколько километров».

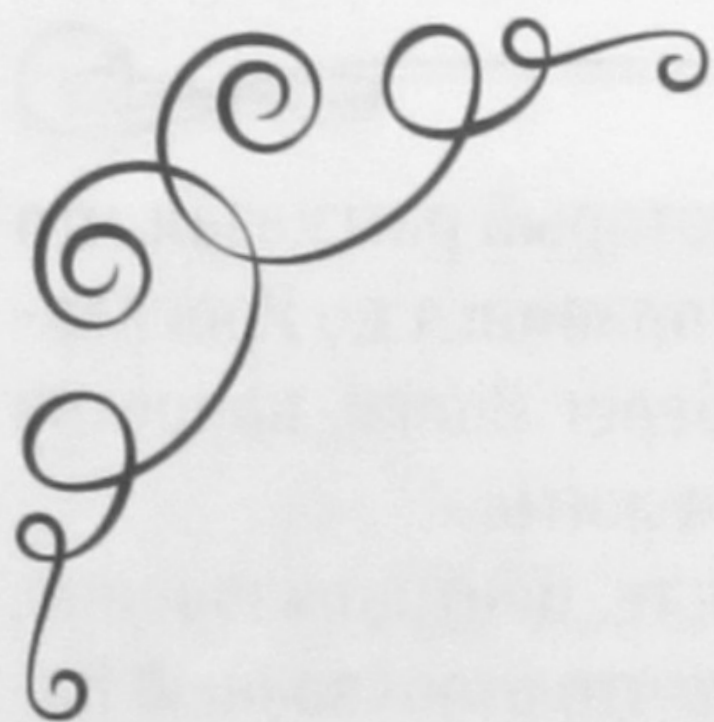
Из Ягорбы в Мустамяки переехали:

БОЕВЫ (несколько семей с такой фамилией), ВАСИНЫ, ГАЛАНИНЫ, ГРИШЕНЬКИНЫ, ЖЕЛЕЗОВЫ, ЗВЕРЕВЫ, ЗАХАРОВЫ (несколько семей с такой фамилией), ИЛЬИЧЁВЫ (несколько семей с такой фамилией), КРЮЧКОВЫ, КАРПУШОВЫ, КУКЛИНЫ, ЛАУХОВЫ (несколько семей с такой фамилией), ЛЕМЕХОВЫ, МОРОЗОВЫ, ПАНОВЫ (несколько семей с такой фамилией), ПОЗДНЯКОВЫ, РАКОВЫ, САВИНОВЫ, САБЛЮКОВЫ, САЛЬНИКОВЫ (несколько семей с такой фамилией), СУРИКОВЫ (несколько семей с такой фамилией), САЧКОВЫ, ТИМОНИНЫ (несколько семей с такой фамилией), ТОПКОВЫ (несколько семей с такой фамилией), ФУРИНЫ, ФИРСОВЫ (несколько семей с такой фамилией), ШАРОВЫ, ШОПЫРИНЫ.

14 апреля 1941 года массивными затворами были закрыты пролеты волжской плотины, вода поднялась, и милая Ягорба стала медленно уходить под воду, навсегда отделив прошлое от настоящего.

Только начали переселенцы обустраивать жизнь на новом месте – война.

Провели митинг у сельсовета. Кони ржут, бабы ревут, мужики собирались и ушли.

Война

Третий батальон

*Друг погиб под Выборгом,
А в друзьях нет выбора.
Грустно стариться теперь
Только в обществе потерь.*

М. Светлов.

Серым зимним днём 1 декабря 1939 года третий батальон 329-го стрелкового полка 70-й стрелковой дивизии 7-й армии Северо-Западного фронта вошёл в горящую Райволу. В это время пришел новый приказ, и батальон выступил на Мустамяки. Командовал батальоном капитан Василий Павлович Маричев, родившийся 12 апреля 1911 года в селе Савино Смоленской области.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1940 года «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с финской белогвардейщиной и проявленные при этом отвагу и героизм» капитану В.П. Маричеву присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 404).

После Финской войны В.П. Маричев продолжал службу в армии. Воевал на Ленинградском фронте. В 1942 году пропал без вести в боях на «Невском пятачке».

В изданной в 1940 году книге «Бои в Финляндии» напечатан рассказ В. Маричева «Третий батальон». Не найдя иных источников рассказывающих о боях в Мустамяках во время Финской войны, частично приведу рассказ героического капитана:

«...К вечеру батальон подошел к станции²¹, которая находится между селениями Райвола и Мустамяки. Разведка донесла, что

²¹ Станция Мерисуо. Ныне Платформа 63-й километр.

мост через реку взорван, впереди большая минированная поляна, и финны ведут огонь издалека.

Ночь была лунная. На небе ни одной тучки. На расстоянии до одного километра видимость прекрасная. Пришлось остановить батальон в лесу, а самому выбраться вперед, чтобы проверить донесение разведки. Осматривая в бинокль взорванный мост, я попал под огонь неприятельских автоматов и минометов. Доложил обстановку командиру полка майору Федорову. Он придал мне роту саперов с переправочными средствами и приказал подготовиться за ночь к переправе, но до утра не переправляться ни в коем случае.

Бойцы ползком двинулись к реке. От опушки леса до моста было не меньше километра. Спуск к берегу был крутой. Саперы волоком тащили козлы и нагладили дорогу до того, что она стала скользкой. Тогда они стали делать так: каждый садится на пару козел и скользит на них по дороге, пока не упрется в снег, как на санках. Работа ускорилась, хотя враг и не прекращал огня. Крутые берега затрудняли финнам обстрел места, намеченного для переправы. Чтобы обеспечить наводку моста, я выдвинул в боевое охранение два взвода — один левее, другой правее. Они перекрестным огнем не давали возможности врагу подойти к переправе.

Утром, когда солнце стало всходить, я пустил батальон вперед. Как только он рассеялся по поляне и бойцы стали стекаться к наведенному мосту, белофинны побросали свои гнезда и побежали. Пулеметчики открыли по ним огонь. Река здесь еще не была покрыта льдом, вода бежала очень быстро, грозила то и дело сорвать и унести мост. Некоторые бойцы, несмотря на сильный мороз, влезали по колено в воду и удерживали переправу кольями. Торопясь на тот берег, кое-кто срывался с моста, падал в воду и, выскочив из нее,

В. П. Моричев

продолжал бежать вперед еще быстрее, хотя обледеневшая одежда затрудняла движение.

До Мустамяки от переправы оставалось около шести километров. Неожиданно моя разведка нарвалась на мину. Тут произошел удивительный случай. Один младший командир был отброшен взорвавшейся миной метров на пять, и на нем не оказалось ни единой царапины! Его только обожгло и контузило. Он потерял сознание, но когда его повезли в тыл, сразу пришел в себя и спросил:

– Куда меня везете?

– Везем в госпиталь, лечить.

– Я не пойду, – сказал он и побежал адогонку за своей ротой.

Разведка снова донесла, что впереди минированное поле. Я решил, что при таких условиях двигаться прямо в лоб на Мустамяки нельзя, нужно сделать обходный маневр.

На карте значилось, что вправо от меня к станции Мустамяки тянется непроходимое болото. Мороз еще был не так силен, чтобы все это болото успело замерзнуть. Но надо было рискнуть. Я приказал бойцам нагрузить на себя все патроны, все пулеметы и минометы. Обозу, артиллерии и танкам приказано было оставаться на месте, пока пехота неожиданным ударом с тыла не захватит Мустамяки.

Когда мы вошли в болото, оказалось, что вода здесь ниже колена. Но чем дальше мы шли, тем выше поднималась вода. Командиры двигались впереди. Идти становилось все труднее. Каждый боец тащил на себе большой груз. Красноармеец Лапин нес станок весом в четыре пуда.²² Весь путь, почти восемь километров, за Лапиным следом шел его второй номер и вежливо просил:

– Иван Никитич, разрешите, я пронесу. Дайте мне хоть немножечко пронести.

Лапин отвечал:

– Только когда я упаду, ты понесешь.

Я сделал маленький привал, собрал всех командиров и сказал, что надо очень внимательно следить, как бы кто-нибудь не отстал и не погиб в этом болоте.

Уже смеркалось, когда батальон начал выходить на твердую почву. Бойцы сразу же стали падать на снег от усталости. Я решил, что

²² Четыре пуда (64,3 кг) весил пулемет «Максим» вместе со станком. В походе пулемет и станок переносили по отдельности.

людям нужно дать перед боем отдохнуть хотя бы часок, и обеспечить охрану отдыха батальона.

Спустя час командиры будили спящих. К этому времени я дал уже каждой роте свое направление. К вечеру (3 декабря 1939 г.) наш батальон ворвался на станцию Мустамяки. Белофинны ожидали нас с другой стороны. Никто из них не подумал, что мы можем преодолеть непроходимое болото. Увидев нас, они пришли в панику и устремились в лес.

Большинство строений станции Мустамяки осталось цело, хотя противник уже подготовил для поджигания бутылки с бензином, спички, солому (во время атаки спалили вокзал и церковь). Я организовал охрану и стал связываться со своим полком.

Из Мустамяки мы пошли вперед, все дальше в глубь Карельского перешейка...».

Последний поход на Выборг

Дальше произошло то, что случалось множество раз в истории этого края. Через некоторое время вглубь России двинулся неприятель.

Оборонявшие Выборг с начала Великой Отечественной войны войска в конце августа 1941 года оказались разбитыми и окружёнными в районе Порлампи. 12-я пехотная дивизия полковника Вихма, как финский нож, разрезая Карельский перешеек, преодолев сопротивление разрозненных частей Красной армии, 30 сентября заняла Мустамяки, а ко 2 сентября вышла на старую границу.

А через три года войска оборонявшей Ленинград на Карельском перешейке 23-й армии генерал-лейтенанта Черепанова и вновь созданной для наступления 21-й армии генерал-лейтенанта Д.Н. Гусева двинулись в обратную сторону, в последний поход на Выборг. Через Мустамяки проходила основная линия обороны финнов – линия VT. Создав на этом участке многократное превосходство в численности войск и танках и абсолютное в артиллерии и авиации, командующий Ленинградским фронтом Л.А. Говоров решил прорывать оборону финнов в районе Куутерселья (Лебяжье).

Опорный пункт Куутерселья – это высота с отметкой 98,6 с расположенным на западном склоне поселком, прикрытая с флангов озером и болотом, оборудованная 23 железобетонными дотами и с прорытыми на всю ширину обороны несколькими рядами траншей.

Остатки финских оборонительных сооружений в Куутерселкя. 12 июня 2014 г. здесь проводилась историческая реконструкция боев за Куутерсельку

Перед ними находилась двухсотметровая полоса заграждений, состоящая из противотанкового минного поля в шесть рядов, за ним – четыре ряда гранитных трапецидальных надолб, противопехотное минное поле в четыре ряда и в пять рядов – проволочные заграждения. Вся полоса простреливалась перекрестным артиллерийско-пулеметным огнем из дотов.

Западную часть Карельского перешейка защищали войска 4-го армейского корпуса генерал-лейтенанта Т. Лаатикайнена

Непосредственно Куутерсельку обороняли: 3-я пехотная дивизия: 11-й, 32-й, 53-й пехотные, 16-й артиллерийский полки; 18-я пехотная дивизия: 6-й, 27-й, 48-й пехотные, 19-й артиллерийский полки (генерал-майор А. Паяри); бронедивизия: танковый батальон, батальон штурмовых орудий, 2-, 3-, 4-, 5-й егерские батальоны, батальон танковых егерей, кавалерийский полк, бронезенитная рота, 14-й тяжёлый артиллерийский полк (генерал-майор Э. Лагус); 6-й отдельный егерский батальон.

По утверждению военного журналиста П. Лукницкого в этих боях принимал участие 200-й эстонский добровольческий полк.

Осуществили прорыв войска 109-го стрелкового корпуса и приданные корпусу части под командованием генерал-лейтенанта И.П. Алфёрова:

72-я стрелковая дивизия в составе 133-, 187-, 182-го стрелковых и 9-го артиллерийского полков (генерал-майор Ястребов И.И.); 109-я стрелковая дивизия (генерал-майор Трушкин Н.А.); 286-я стрелковая дивизия в составе 984-, 989-, 996-, 994-го стрелковых и артиллерийского полков (генерал-майор Гришин М.Д.);

И.П. Алфёров

1-я отдельная танковая бригада, до 65 танков. (полковник Волков);

186-й отдельный танковый полк, до 40 танков. (полковник Юнацкий);

1222-й самоходный артполк. (полковник Бирюков И.А.);

219-й миномётный полк. (полковник Шепелёв);

558-, 824-, 567-й артиллерийские гаубичные полки;

46-я истребительно-противотанковая бригада;

1309-й истребительно-противотанковый артполк;

119-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион;

52-я инженерно-сапёрная бригада.

За прорыв обороны финнов и «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1944 года генерал-лейтенанту Алфёрову Ивану Прокопьевичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 3732)».

Мемуары генерала Алфёрова «От Белострова до Выборга» лежат в основе дальнейшего описания боя за Кутерсельку.

«...13 июня нас ознакомили с решением Л.А. Говорова о прорыве второй линии обороны. Командующий фронтом, учитывая, что

противник сосредоточил свои основные резервы против 30-го гвардейского корпуса, т. е. на Восточновыборгском шоссе, приказал перенести направление главного удара с правого фланга 21-й армии на ее левый фланг. Войска нашего корпуса оказались на решающем участке боев.

На левом фланге армии дополнительно вводился в бой еще один стрелковый корпус – 108-й. Он должен был наступать вдоль Приморского шоссе, а наш 109-й – между ним и 30-м гвардейским стрелковым корпусом, подошедшим к сильному вражескому узлу сопротивления Кивеннапа (Первомайское).

И еще одно важное решение было принято: перебросить с правого фланга 21-й армии на левый в полосу действий 109-го и 108-го стрелковых корпусов 3-й артиллерийский корпус прорыва генерал-лейтенанта Н.Н. Жданова.

Было решено иметь в первом эшелоне две дивизии – 72-ю и 109-ю. Главный удар наносила 72-я дивизия в районе Куутерселькя.

Наступило 14 июня. В 8 часов утра загремела артиллерийская канонада. На каждый километр фронта в нашей полосе прорыва приходилось до 250 орудий и минометов. Много батарей вели огонь прямой наводкой, разрушали неприятельские доты и дзоты, прокладывали проходы в гранитных частоколах надолб и проволочных заграждениях. Полтора часа длилась огневая обработка вражеских позиций. Когда стена разрывов начала передвигаться ко второй траншее, поднялись из своих окопов стрелковые подразделения.

На Куутерселькя наступали два полка: 133-й майора П.Я. Колсухо и 187-й майора Е.А. Рябкова. Возглавляли атаку штурмовые батальоны. 187-й полк обходил Куутерселькя справа. Его штурмовой батальон, вплотную прижимаясь к огневому валу, ворвался в опорный пункт. Этим сразу воспользовались два других батальона. Им удалось сходу овладеть двумя траншеями и блокировать несколько дотов. Атака 133-го полка оказалась неудачной. Дорогу бойцам преградил сильный огонь. Нашей артиллерии не удалось вывести из строя железобетонные доты. Они-то и заставили атакующих залечь. Кроме того, противник поставил перед Куутерселькя стену заградительного огня, введя в бой молчавшие до того и расположенные в глубине обороны артиллерийские и минометные батареи. Генерал Ястребов, желая избежать больших потерь, не торопил майора Колсухо. Он попросил командира

корпуса подавить вражеские огневые точки и батареи нашей артиллерией и авиацией».

Командующий фронтом Л.А. Говоров позвонил командующему ВВС Красной Армии Главному маршалу авиации А.А. Новикову (прибывшему в наступающие войска) и указал на необходимость усилить удары авиации. Но низкая облачность совершенно исключала возможность применения бомбардировщиков. Взвесив возможности, А.А. Новиков и командующий 13-й воздушной армией генерал С.Д. Рыбальченко решили направить на Куутерсельку почти все экипажи штурмовиков из 9-й, 277-й, 281-й штурмовых авиационных дивизий, которые могли действовать при такой погоде. (300 самолётов-штурмовиков! За 14 и 15 июня более 2600 самолетовылетов!)

Под ураганным огнем зенитной артиллерии и пулеметов летчики-штурмовики шесть часов подряд бомбили и обстреливали вражеские позиции. Не успевали самолеты приземлиться, как их быстро заправляли бензином, загружали бомбами и боеприпасами, и они снова вылетали в район Куутерселькя. И так одна группа «Илов» сменяла другую и штурмовала опорный пункт.

«В половине одиннадцатого после нового артиллерийского удара, – продолжает генерал Алфёров, – 133-й полк овладел первой траншеей. Но здесь противник принудил его снова остановиться. В третий раз огненный ураган забушевал над Куутерселькя. Благодаря ему удалось стремительной атакой захватить и вторую траншею. По крутому каменистому склону к вершине высоты поползли тяжелые танки. На броне одного из них пристроился командир 4-й роты 133-го полка старший лейтенант Сикачин с небольшой группой автоматчиков. Они первыми проникли в центр Куутерселькя и атаковали с тыла уцелевший дот. Майор Рябков усилил натиск справа. К 14 часам высота, господствовавшая над всей окружающей местностью, была полностью очищена от противника».

За бой на Куутерсельском холме звание Героя Советского Союза получил старший лейтенант И.И. Соломоненко. Его батарея с дистанции сто метров меткими выстрелами проделала четыре прохода в гранитных надолбах и два прохода в проволочных заграждениях.

Артиллеристы понесли ощутимые потери. И.И. Соломоненко сам стал на место наводчика у орудия. Методически ведя огонь, он лично уничтожил четыре станковых пулемёта. Несмотря на ранение, И.И.

В.В. Кораблин

Соломоненко заменил командира роты 133-го стрелкового полка, погибшего в этом бою, и поднял пехотинцев в атаку.

За этот же бой звание Героя Советского Союза посмертно присвоено красноармейцу 994-го полка Кораблину Владимиру Васильевичу, который в составе штурмовой группы первым преодолел проволочное заграждение, набросив на него шинель. Был ранен, но продолжал сражаться с врагом и погиб в этом бою.

Генерал пишет далее: «109-я стрелковая дивизия 14 июня так-

же добилась серьезного успеха. 456-й полк майора А. Д. Мелехина занял другой важный опорный пункт – Сахакуля.²³ В образовавшуюся брешь командование корпуса ввело полки 286-й стрелковой дивизии. Они помогли 72-й дивизии удержать Куутерселья и одновременно развивали наступление в сторону Мустамяки. В результате двухдневных ожесточенных боев вторая полоса обороны противника оказалась прорванной на всю глубину. 984-й и 996-й полки 286-й дивизии освободили Мустамяки. Самоотверженно сражался в этом районе 1-й стрелковый батальон 989-го полка. Комбат капитан М.И. Лель и его замполит капитан М. И. Компанеев личным примером увлекали бойцов в атаку. Батальон буквально на плечах отходящего противника ворвался на станцию Мустамяки...».

В образовавшийся прорыв в обороне финнов, на рокадную дорогу, идущую на юго-запад от станции в деревню Неувола, выкатилась 1-я отдельная танковая бригада с целью выхода к Финскому заливу и окружения, оборонявшейся в Вамельсуу Кавалерийской бригады финнов.

Сходу, со слабо укрепленной второй линии обороны в километре от станции на вершине холма прикрытого ручьем Соткооя, бригадой был сбит заслон 6-го отдельного егерского батальона, сформированного

²³ Ныне деревня Мухино, расположенная около станции «63-й километр».

из попавших в плен в начале войны ингерманландских финнов. Ингерманландцы, которым терять уже было нечего, гранатами безуспешно пытались остановить танки. Через четыре дня, 19 июня, на горе нашим танкистам, у финнов появятся, только что доставленные из Германии фаустпатроны, спалившие первый советский танк в Кямьяра.

Бригада, почему-то свернув в Сюкияля (Бойково) на заболоченную лесную дорогу (и сейчас называемую Танковой) и пройдя около 15 км, увязла у взорванного моста через реку Ваммельйоки, однако шуму наделала много, большинство задач ею было выполнено – разгромлены тылы финских войск, в том числе штаб Кавалерийской бригады. В результате этого и под давлением наступавшего с фронта 108-го корпуса начался её практически неконтролируемый отход. Старый финский маршал в своих мемуарах со скепсисом оценил такое управления войсками: могли достичь большего, упустили момент.

Героем боёв за деревню Неувола стал лётчик капитан Николай Иванович Пологушин. Вот что говорится в представлении его к званию Героя Советского Союза:

«14 июня 1944 года при прорыве второй линии обороны противника на Карельском перешейке на участке Мустамяки – Куутерселья сделал четыре захода на прикрытие наших наземных войск, сопровождение танков и пехоты в наступлении. В решающие часы штурма, между 16–18 часами, Пологушин возглавил шестерку "илов" для нанесения бомбо-пушечного удара по опорным пунктам врага Мустамяки и Кирьявала. Группа пробыла над целью 25 минут, сделала пять заходов по укреплениям и огневым средствам, подавила одну артбатарею, зажгла и взорвала шесть зданий, превращенных в огневые точки, один крупный склад с боеприпасами, истребила значительное число пехоты в траншеях».

Н.И. Пологушин

До сих пор, слева и справа на заболоченных обочинах дорог в Му-
стамьяках маленькими озерцами остаются следы от точно сброшен-
ных бомб, и можно найти отстреленные гильзы 30-мм авиационных
пушек полагүшинских авиаторов. Последними заходами, обстреляв
из пулемётов пост ВНОС на вершине Неувольского холма, Николай
Иванович окончательно разогнал оборонявшихся финнов.

В пустую деревню Неувола вошла 286-я дивизия, наступавшая по
восточному берегу озера Вамельярви. На горе, называемой местны-
ми Змеиной, преодолев сопротивление 1-го батальона 48-го пехот-
ного полка 18-й пехотной дивизии финнов (потерявшего при этом 20
человек) 15 июня дивизия заняла Каннельярви.

Тут мы забежали несколько вперёд, вернёмся на Куутерсельский
холм в 14.00 14 июня 1944 года. Финны силами 53-го, 48-го пехотных
полков и 2-го егерского батальона предприняли контратаку. На ко-
роткое время удалось вернуть позиции, но к 18 часам советские во-
йска снова заняли линию и деревню и, дойдя до леса, углубились в
него. Финская тяжёлая артиллерия открыла сильный огонь и к 22
часам, пройдя ещё 2-3 километра войска Красной Армии остано-
вились на ночлег.

Стремительный прорыв обороны привёл к недооценке возмож-
ностей финской армии. Финское командование приняло решение
вернуть укрепления линии VT, ещё раз контратаковав силами пе-
хоты из 48-го полка, 2-, 3-, 4-го егерских батальонов, и батальоном
штурмовых орудий (22 машины StuG-40), командир батальона май-
ор Н.Э. Окерман. Бронезенитная рота прикрывала тылы группиров-
ки. Командовал группировкой полковник Пурома.

В 22.30 (стоят белые ночи) финская артиллерия начала артподго-
товку. В 23.00 двадцать финских бомбардировщиков отбомбились
по расположению советских частей.

1-я рота штурмовых орудий и 4-й егерский батальон наступали по
шоссе, 3-й егерский батальон – параллельно западнее, 2-я и 3-я роты
самыходок и 2-й батальон егерей – в резерве, двигаясь за наступа-
вшими. Наступление поддержала тяжёлая артиллерия. В большинстве
источников указывается, что в головной машине наводчиком был 18-
летний сын командира дивизии О. Лагус. Проскочив советскую пехоту,
самыходка оказалась среди расположившихся по обе стороны дороги
танков. Началась танковая дуэль, стреляли в упор с расстояния 15-20
метров. Финны подожгли пять танков и потеряли две самыходки.

Хоть финнам и удалось прорваться по шоссе, в лесу уничтожить русских не получилось. Группа бойцов 219-го миномётного полка, организовав круговую оборону, дралась в окружении восемь часов до подхода своих. Это при абсолютном-то превосходстве! В бой включился 9-й артиллерийский полк 72-й дивизии, и от его огня противник потерял ещё три самоходки. Финские части достигнув опушки леса и выйдя на открытое пространство увидели на шоссе колонны артиллерии 558-го, 824-го, 667-го гаубичных артполков, которые стали разворачиваться прямо на дороге, и, стреляя прямой наводкой остановили наступавшие самоходки и егерей в 250 метрах от траншей линии VT.

Майор Окерман в 2.00 ввёл в бой резерв – 3-ю роту штурмовых орудий и тут же его машина подорвалась на удачно поставленнойmine. Бой продолжался до утра, к 8.00 финские солдаты ворвались в укрепления VT, но удержать её не смогли – не хватило сил. Русская пехота и танки контратаковали, а развёрнутые в тылу тяжёлые артиллерийские батареи сметали наступавших. В 10.15 финское командование отдаёт приказ об отводе всех частей.

Генерал Алфёров добавляет: «...16 июня прибывший в Мустамяки командующий фронтом Л.А. Говоров сказал: "Теперь дорога на Выборг открыта"».

Безвозвратные общие потери 21-й и 23-й армий за 14 июня составили 1240 человек, за 15 июня – 720 человек. Большая часть потерь – это убитые в бою за Куутерсельку, и похороненные в братских могилах в Роцино (243 человек) и Бойково (334 человек).

Если и были основания считать Карельский перешеек финским, после войны своё присутствие здесь русские оплатили сполна.

Вместо заключения Из Мустамяк в Монтенегро

После войны опять в неизвестность кто с фронта, кто из эвакуации в ставшие уже «домом» Мустамяки, потянулись уцелевшие земляки.

В деревню вместе с прежними жителями приехали несколько новых семей: БАДИЧКИН, МУТОВКИНЫ, ГУРЬЕВЫ, КИНЧИНЫ, КОЛОБАШКИНЫ, КАЛИНИЧЕВЫ, ПАНИНЫ, УШАНОВЫ, ФЁДОРОВЫ.

Заменяя финские названия деревень и хуторов на мало что значащие русские, сохранить название Ягорба власти не захотели, вся округа скопом стала называться Горьковское, но вновь образованный колхоз назвали по старому «Память Ильича».

Перегнали из Восточной Пруссии скот. Отремонтировали и построили новые фермы, конюшню, свинарник. На южных склонах холмов, спускавшихся к озеру, бригада М.А. Боева выращивала капусту. В парниках зрели огурцы. Разводили птицу. Дед Николай Кинчин устроил пасаку. В конце 1957 года построили теплицу, потом инкубатор. Виктор Лемехов пригнал из Горького первую колхозную машину.

Жили, работали, кормили страну, крутясь в бесконечной череде хрущёвских затей: укрупнялись – свозили финские хутора в одну кучу, занимались яровизацией и мелиорацией, сеяли в болотах кукурузу.

В очередную компанию колхоз был преобразован в совхоз. 23 марта 1960 года в трудовой книжке отца появилась запись: «Совхоз «Поляны» принят в порядке перевода в качестве рабочего в отделение «Горьковское».

Жизнь шла, отцы, становясь стариками, продолжали работать совхозе. Дети же, до определённого возраста отплясав в клубе, потянулись на сторону, покидая деревню, пополняли заводы, стройки, тюрьмы и, особенно массово, траловый флот страны.

Станция Горьковское. Наши дни

А в деревню приезжали новые люди, селились в построенных кирпичных бараках и размножались. Появились дачники, сначала снимали комнаты, потом начали скупать дома.

То ли у Пановых, то ли у Ильичёвых снимал летом дачу убежавший на запад неплохой поэт Дмитрий Бобышев, в ностальгических воспоминаниях написавший о местном киномеханике, будто бы тот на причинном месте вертел банку из-под варения. Тут профессор Иллинойского университета явно соврал. Кино в клубе крутил дядя Костя Фурин – мужик серьёзный и подобных шуток никак не допускавший.

Теперь в его клубе пляшут внуки «блудных сыновей», вернувшихся домой и копошащихся на отцовских пепелищах. Все строятся. Сохранившиеся финские домики перестраивают до неузнаваемости и огораживают заборами. Лагерный забор становится основной архитектурной формой деревни.

Станция чудовищно приросла скученными садоводствами. На берегу озера отгрохали коттеджный посёлок Монтенегро – роскошный аквариум капиталистических акул.

Вместо паровика-подкидыша ходит электричка, со свистом летит скоростной «Аллегро» мимо памятного вокзала, заснеженной

Вот извлечённая из общей рамки фотография. Такие рамки обычно висели на стенах в каждом доме. Свадебная фотография середины пятидесятых годов. Рядом с ней помещались: фото младенца на твёрдом паспорту, потом на жёлтой фотобумаге, он уже красноармеец в буденовке и с девахой, следующая – дед (ещё и не дед, а мужик) гуляющий на свадьбе дочери, в конце дед уже в ящике, а постаревшие собутыльники с предыдущей фотографии стоят рядом с грустными рожами. Удивительно трогательно.

На фото слева направо сидят в 1-м ряду: Михаил Боев, мужик с закрытыми глазами Иван Егорович Боев, Борис Боев, поддатая баба с пальцем – Настя Назарова, в кепке кузнец Митя Лаухов, Володя Боев тискает Зину Шилову, пацан – Мишка Шонин.

Сидят во 2-м ряду: Нина Леонтьевна Тимонина, Василий Егорович Боев, его сватья Лиза Сальникова, молодожёны Володя и Лидя Сальниковы, с гармошкой Леонид Фирсов, далее – Валя Щелёкина, Нюра Боева, тётя Саня Кузминична.

Стоят: Мария Ивановна Шопырина, Мрия Леонтьевна Тимонина (Коммисориха), неизвестный, мотнувший головой, Алевтина Тимонина, Катя Васина, между ними выше Маша Лаухова в том же ряду мой батя с сигаркой, между ним и Галей Боевой – Валя Ильичёва (Брикайлик) и Аркаша Суриков рядом с Катей Васиной – Анна Боева (дочь Боева Ивано Егоровича), с выбившейся прядкой Лиана Захарова, чуть ниже (с зубами) Наташа Лаухова, Тоня Фирсова – фельдшерица, Саша Шаров, Геннадий Суриков, прильнувшие старушки Ильичёва и Сурикова, Зоя Леонтьевна Тимонина, за ними взгромоздилась на стул Галя Боева, Куклина, Лиза Боева, с бантами Зоя Боева прислонилась к Алле Сачковой дочери Лины Захаровой, Коля Сачков, за ним чуть выше Гена Тимонин, Анна Шонина прислонилась к Кате Шаровой, красotka в крепдешиновом платье – Фаина Кинчина, в «москвичке» – Витя Поздняков, Иван Кинчин, последний Вася Боев.

Сожалею, что не могу поимённо перечислить и всех остальных дорогих земляков, живших в деревне и заслуживающих доброй памяти.

безлюдной станции, и строящегося через железнодорожные пути
циклопического виадука, по которому и пройдёт дальше великая
горьковская дорога.

*Гор не было. А были взгорья.
Скорей – холмы..
И электричку не святой Георгий
прокалывал из тьмы.*

*С Финляндского, считай, вокзала
она, скорей сама,
стреноженную тьму пронзала,
– стнала тьма.*

*Морщило сырым и бурым
огнем – окно;
луч по нахмуренным фигурам
плыл розово-темно.*

*Хребтом дракона,
рукой подать, а далеки,
назад скакали заочно
то Кавголова, то Юкки.*

*Дух влажной шерсти, нет – вигони,
попахивая, плыл,
и пол в полупустом вагоне
передавал моторный пыл.*

*Хотелось: лета на пригорках
среди курчавых роц
в овражных Мустамяках, Териоках,
чтоб хрущик сел на хвоц.*

*Там – пропащую подругу
надеялся найти,
жить в бедности, снять в доме угол.*

А всё – не то, не те...

*Нашел... Хотя – потом. Хотя – другую,
сам за моря уплыв.
Стал вроде гуру:
совсем заважничал, увы...*

*Но, проезжая Массачусетс,
остановил кабриолет.*

*И, взглядываясь в чужесть,
установил, что в мире нет*

*того, что не случилось прежде.
Все – было. И – холмы,
и та же в них надежда брезжит,
и брызжет свет из тьмы...*

Д. Бобышев. «Холмы иные»

Содержание

Предисловие.....	3
Мустамьякский вокзал.....	5
По великой горьковской дороге.....	11
Дачники.....	21
Открытая дверь.....	53
Крыши.....	67
«Переставление» света.....	71
Война.....	78
Вместо заключения.....	90

Александр Боев

Прогулки по Мустамьякам (Горьковское)

Повествование в свободной форме

ООО «Издательский центр «ОСТРОВ»

Редактор Л.И. Амирханов

Корректор Н.Н. Никифорова

Дизайнер-верстальщик М.В. Пивоев

Формат 84 x 108/32. Бумага офсетная.

Гарнитура Сиргит. Тираж 700 экз. Заказ 868.

Отпечатано в Первой Академической типографии «Наука»

199034, Санкт-Петербург, 9-я линия ВО, 12

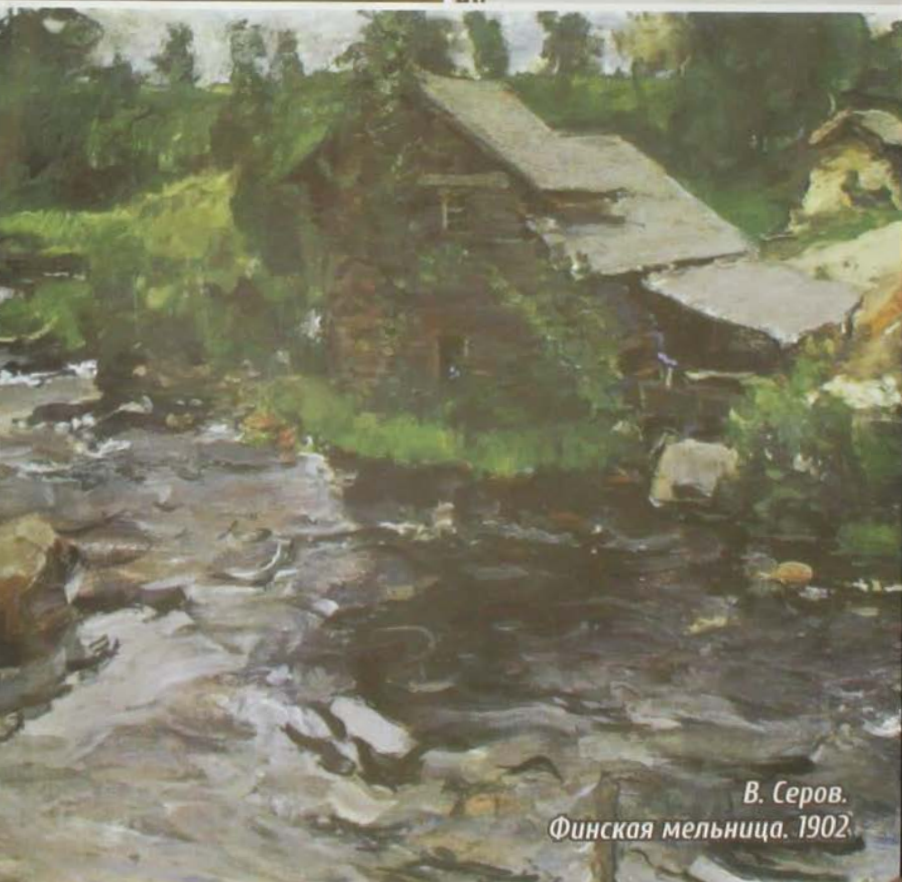

В. Шухаев. Финляндия. Село. 1920

*В. Шухаев.
Финляндия. Деревня. 1920*

*В. Серов.
Финская мельница. 1902*

Mustamäki.

Мустамäки
Mustamäki

финландия
Suomi

